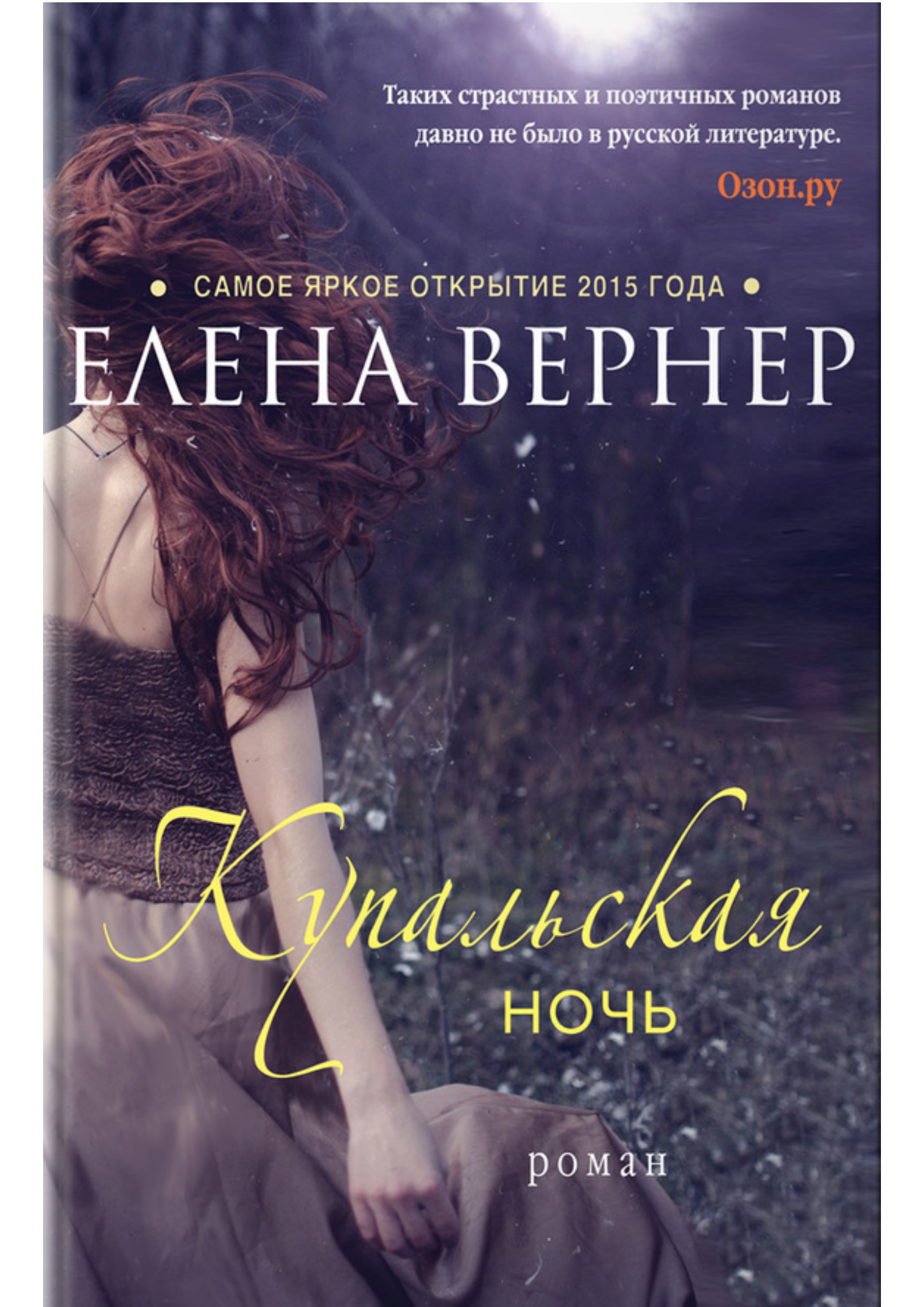

The background of the cover is a photograph of a woman with long, wavy, reddish-brown hair, seen from the back. She is wearing a dark, textured, strapless top and a long, flowing, light-colored skirt. She is standing in a field of tall grass or reeds, with a bright light source (the sun) visible in the upper right corner, creating a lens flare effect. The overall mood is romantic and atmospheric.

Таких страстных и поэтичных романов
давно не было в русской литературе.

Озон.ру

● САМОЕ ЯРКОЕ ОТКРЫТИЕ 2015 ГОДА ●

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Купальская
НОЧЬ

роман

Елена Вернер

**Купальская ночь, или
Куда приводят желания**

«ЭКСМО»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Вернер Е.

Купальская ночь, или Куда приводят желания / Е. Вернер —
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098760-3

В прошлом Кати есть тайна, которую девушка много лет не доставала из сундука своей памяти. Эта тайна — сама Катя: та, которой она не стала, та, будущее которой перечеркнула страшная трагедия. И когда настоящее окончательно запуталось в рутине и тоске, Катя приехала в городок, где осталось ее прошлое, где родилась и закончилась ее первая любовь. Где ей предстоит начать все сначала...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-098760-3

© Вернер Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Вернер

Купальская ночь, или Куда приводят желания

© Вернер Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моим родителям посвящается

*Пусть покойник мирно спит;
Есть монаху тихий скит;
Птице нужен сок плода,
Древу – ветер да вода.
Я ж гляжу на дно ручья,
Я пою – и я ничья.
Что мне ветер! Я быстрей!
Рот мой ягоды алей!
День уйдет, а ночь глуха,
Жду я песни пастуха!
Ты, пастух, играй в трубу,
Ты найди свою судьбу,
В сизых травах у ручья
Я лежу – и я ничья.*

А.Н. Толстой «Мавка», 1909

*Разве мы можем знать истинную меру нашего счастья, если нам
неизвестно, что ждет нас впереди?*

Э.М. Ремарк «Ночь в Лиссабоне», 1961

Глава 1

Нежданное путешествие

Эта осень

Такое ощущение, что местность – дома, улицы, комнаты – обладает памятью. И не просто хранит воспоминания, а норовит напомнить человеку все до мельчайшей детали с энтузиазмом давнего друга. Или безжалостностью врага.

Катерина боялась этого. Она боялась, что, как только она переступит порог старого деревенского дома, прошлое обрушится и похоронит ее под тяжелым холодным пеплом своим. Поэтому сразу за облупленной бетонной стелой «Вечная память героям!» она сбросила скорость и успела рассмотреть и вид с моста, и пустующую будку от бывшего блокпоста (надо же, подумала она, за все эти годы так и не убрали). Поэтому, уже заехав в поселок, остановилась у магазина, долго и бестолково раздумывала, что нужно купить, и решила только на бутылку минеральной. Именно поэтому не нажимала на клаксон, чтобы разогнать устроившихся на проезжей части гусей, а выжидала, пока те сами разойдутся – должно быть, со стороны смотрелось очень глупо. Но все это было тщетно. Она неумолимо приближалась к конечной точке своего путешествия.

Поселок городского типа Пряслень, улица Береговая, дом 17.

Вот и ворота. В самом конце улицы, на окраине поселка, рядом с заросшим палисадником. Заросший – не то слово, ворот почти и не видно из-за высокого бурьяна. Густая зелень, еще не тронутая сентябрем, сочные мясистые стебли в человеческий рост, увенчанные большими засыхающими зонтиками соцветий. Катерина остановила машину на обочине, ткнувшись бампером в заросли, заглушила двигатель и замерла. Больше всего на свете ей хотелось ударить по газам и смыться отсюда.

Она не видела этого забора семнадцать лет и с первого же взгляда поняла, что годы не прошли бесследно. Столбы и доски, крашенные некогда в темно-синий, стали совсем серыми, землистыми, и только кое-где виднелись задравшиеся лохмотья выгоревшей краски. Козырек над воротами скособочился. Низенькая скамейка – непереманный атрибут деревенской жизни, чтобы удобнее было судачить с соседями о прохожих и с прохожими о соседях, – вросла в землю, почти сгнила, и в ней явно поселились жуки-древоточцы, трудолюбиво превращающие ее в труху. У самой калитки успела вырасти крепенькая стройная осинка, ее мелкие листочки трепетали, несмотря на безветренную погоду. Катерина почувствовала, будто и внутри у нее что-то вот точно так же дрожит.

Ну, довольно. Она отстегнула ремень безопасности и вышла, стараясь хлопнуть дверью как можно тише. Тщетная предосторожность, конечно, наверняка кто-нибудь уже наблюдает за ней из ближайших домов. Здесь так редко появляются новые лица. Катерина внутренне пожелала, чтобы ее лицо как раз сочли новым – она не хотела, чтобы та давняя история хоть краем своей мрачной тени задела ее теперешнюю жизнь. Но это, конечно, невозможно.

У машины она потопталась в нерешительности, стараясь не глазеть по сторонам. Потом, тяжело вздохнув, напролом полезла к калитке через бурьян.

«*Репехи*». Это слово заставило ее вздрогнуть, как будто кто-то громко произнес его над самым ухом. Надо же, семнадцать лет – и ни разу не вспомнила, что то, что она привыкла называть репейником, тут именовалось *репехами*. А стоило шагнуть из машины, как вот, пожалуйста, они самые. *Репехи*.

Рассохшаяся калитка, хоть и со сломанным засовом, открываться не желала, видно, с той стороны двор зарос такими же сорняками по пояс. И Катерина, дергая и толкая ее, вдруг почувствовала себя совершенно беспомощной. Она не понимала, зачем притащилась сюда, зачем

стоит у забора дома, являвшегося ей в самых темных кошмарах, да еще и пытается попасть в его двор, в его стены, под ту самую крышу... Ах да, покупатели! Дом хотят купить. И если она хочет избавиться от него навсегда, то лучше все-таки его продать. Тем более что большую часть пути она уже преодолела. Осталось немного – дойти до дома, переступить порог, осмотреться. Дождаться покупателей, оформить все бумаги, сходить к нотариусу, поставить подписи, взять деньги...

От таких обыденных мыслей стало легче, и дом, невидимый из-за забора, но такой реальный, такой несомненный, перестал казаться замком злой колдуньи посреди заколдованного леса. Солнце светило ярко и не по-осеннему жарко, и футболка под мышками стала пропитываться влагой. «Будь я героиней страшной сказки, я бы точно не потела», – с истерической ноткой хмыкнула про себя Катерина. Теперь она разглядела брешь: в заборе не хватало пары досок, как раз чтобы протиснуться взрослому человеку. Бог знает кому и зачем понадобилось ходить в сад заброшенного дома... Щелкнув брелком сигнализации скорее по привычке, чем от надобности, Катерина пролезла в дырку и очутилась во дворе. И вот...

Дом стоял перед ней. Меньше, чем казался ей в снах, и не такой мрачный. Скорее покинутый. Обычное человеческое жилище, давно отчаявшееся дожидаться хозяев. Мутные незрячие оконные стекла, кое-где и вовсе выбитые. Белесый щербатый кирпич стен. В то время как по всей стране сельские дома строились из дерева (взять хотя бы деревни и поселки соседнего района той же области), в Прыслене с незапамятных лет велось строительство из кирпича благодаря местному кирпичному заводу, построенному еще до революции, или цигельне, как его тут называли. Проезжая сегодня мимо деревянных хат в маленьких селах вдоль трассы, Катерина видела среди них и заброшенные, покосившиеся, упирающиеся оконными переплетами в землю, с прорастающими через крышу кустами дурноклёна, и втайне даже тешила себя надеждой, что и с этим домом приключилось то же самое. Если бы природа захватила дом в свой плен, Катерине бы не пришлось испытывать сейчас эту робость и этот страх. Но побороть кирпич даже буйной южнорусской растительности все-таки не удалось, а может, все дело в мастеровитости деда, когда-то сложившего дом на совесть. Так или иначе, с домом по Береговой, 17, все было в порядке, не считая запустения. Весь двор заполонил такой же бурьян, что и снаружи, и до крыльца пришлось продираться сквозь заросли. Оказавшись на ступеньках, Катерина вдруг поняла, что ключа у нее нет. Однако он и не понадобился, вот уже много лет, судя по всему, редкие случайные обитатели не утруждали себя замками.

Внутри было пусто и гулко, пахло сыростью и мышами, как в подвале. Никого и ничего. Все, что можно было вытащить и унести, уже давно вытащили и унесли в неизвестном направлении. Тогда, семнадцать лет назад, дом был поспешно оставлен, брошен, вещи никто не собирал – было не до того. Посуда, шторы и домотканые бабушкины половички, весь нехитрый скарб, все то, чем обрастает человек в своем жилище, тогда осталось словно ничейным. Видно, спустя некоторое время вещи нашли себе других хозяев. В большой комнате с крепким, досочка к досочке, крашеным полом остался только круглый столик и шкаф со сломанной, висящей на одной петле дверцей – конечно, без содержимого. Пара пожелтевших газет и ржавые гвозди не в счет. Катерина обвела глазами пространство комнаты, пытаясь припомнить, как тут все было когда-то. Пять окон, настоящая достопримечательность комнаты, три из них выходящие на двор к калитке и две в сторону сарая, сейчас почти не пропускали свет из-за грязи. А, бывало, раньше комнату заливало солнце, и половицы нагревались так сильно, что, если стать босыми ногами, жгло ступни. Правда, чаще в самый зной все шторы плотно задергивали, чтобы из дома не выходила драгоценная прохлада.

Катерина прошла в другую комнату. Эхо. Когда-то это была ее комната. Небольшая, вытянутая, с окном, ведущим в сад под узловатую вишню и открывающим удивительный вид на реку Юлу. На подоконнике еще сохранилась голубая краска, лежащая толстым неровным слоем, в потеках и выпуклых застывших каплях. Почему-то в этих краях оконные рамы всегда

красили не в белый, а в нежно-голубой цвет. Однажды Катя спросила об этом бабушку Тосю, царствие ей небесное. Та сперва даже не поняла, о чем ее спрашивает девочка, а потом пожалала плечами:

– А на шо тебе белая? Синенькая лучше, як нэбо.

Дело, конечно, было не только в том, что голубая краска «как небо», а скорее в том, что так красили все соседи. Отбиваться от коллектива было как-то не принято. Не отбивались и теперь: проезжая мимо, Катерина успела заметить, что все окна по улице поменяны на пластиковые стеклопакеты. Хотя тут дело, наверное, уже в удобстве и практичности.

Но главное открытие еще только ожидало. Здесь, в этой самой комнате, у стены, на месте неведомо куда исчезнувшей кровати, стоял...

«Диван». Это слово, как и предыдущее, всплыло на поверхность памяти из небытия. Сей предмет мебели, на взгляд Катерины, диваном вовсе не являлся. Ведь что такое диван? Мягкая мебель, обтянутая тканью или кожей, куда можно рухнуть, щелкая пультом телевизора, обсыпая себя крошками бутерброда, и где можно сладко прикорнуть, укрывшись пледом. Или вообще разложить, получив полноценную кровать, что, кстати, она и делала каждый вечер в своей московской квартире. А тут у стены стояла скамейка из липы. Крепкая, длинная, крашенная, с резными подлокотниками и спинкой из узорчатых столбиков с завитушками. Но Катерина отчетливо помнила, что и бабушка, и дед называли эту скамейку *диваном*. И она, городская девочка на каникулах, тоже. Хотя и удивлялась про себя. Вечерами диван иногда выносили и ставили под старой абрикосой. Катя забиралась на него с ногами, грызла яблоки белый налив, созревшие до ватной мягкости, смотрела, как закат расцвечивает небо, и втихоря швыряла огрызки за соседский забор.

Была и третья комнатка, самая маленькая, но в нее Катерина не пошла. Хотела сперва себя заставить, но прямо на пороге повернула обратно. Нет. Еще не время.

На кухне рядом с большой кирпичной печью лежал ворох какого-то тряпья. Видно, незваные гости тут даже ночевали. Кто? Давно ли? Никаких иных следов обитания видно не было.

Вернувшись в комнату с пятью окнами, она остановилась у шкафа. Выдвинула рассохшийся ящик до половины – больше не выдвигался. Там тоже лежала газета, свернутая в трубочку, смятая, со следами мух. Летом в доме полно мух, они нудно гудят и мешают спать, и чья-то рука, наверное, мамина, свернула газету в трубочку, чтобы перебить назойливых насекомых. Это было так давно, в еще счастливой жизни. Катерина взяла газету, расправила. Обычный выпуск, всего на разворот. Фотография тогдашнего главы района, фотография старушки в платке, какой-то местной жительницы, поздравления с юбилеями прясленцев, колонка «на заметку хозяйке», объявления о продаже двигателя «Ижа» и коровы. Катерина машинально бросила взгляд на дату в углу чуть влажной страницы. 28 августа 1995 года. До мгновения, разорвавшего жизнь Катюши Ветлигиной надвое, оставалось всего два дня.

Эта дата, такой простой набор букв и чисел, заставила руки предательски задрожать. Катерина хотела бы разорвать газету на мелкие кусочки, или сжечь ее, или просто уронить на пол, словно нечаянно разжав пальцы, но вместо этого стояла как заговоренная, всматриваясь в чеканный шрифт.

– Ау? Есть кто? – раздалось вдруг из кухни.

Катерина от неожиданности вздрогнула всем телом, сердце пропустило удар. Она резко обернулась к двери. Как раз в эту секунду на пороге появилась субтильная шатенка в футболке и спортивном трико. Загорелая настолько, что казалась темнокожей. При виде Катерины она разулыбалась, и на щеках ее заиграли ямочки, отчего все лицо, несмотря на морщинки, сделалось еще моложе и вообще потеряло всякий намек на возраст.

– Катюша! Приехала!

Это была Ольга Дубко, соседка, давняя знакомая и подруга матери Катерины, Алены Ветлигиной.

Женщины обнялись. Катерина, заметив, что все еще держит газетный листок, поспешно сунула его в шкаф.

– А я с огорода, – дружелюбно пояснила Ольга. – Еду, смотрю, машина. Ну, то ли еще покупатели объявились, думаю, то ли Ветлигина-таки пожаловала. Машины-то я твоей не знаю.

– Да, вот пожаловала... – неловко улыбнулась Катерина.

– Ну и молодец. Как тебе? – Ольга широким, но изящным жестом обвела обстановку вокруг.

– Пусто.

– Ну да, пусто. Что делать, столько лет без догляду! Но стены крепкие. Крыша вроде тоже целая. В общем, те москвичи заинтересовались.

– Что тут делать москвичам? – хмыкнула Катерина. – Почти семьсот километров, я восемь часов ехала. Для дачи далековато...

– Ну, это уж их дело. Вас, богатых, не поймешь, сидите там в своей Москве, планы строите наполеоновские. А мы тут живем, – беззлобно попеняла Ольга.

– Неплохо живете, если по вам судить, тетя Оля. Все такая же красотка.

– Ай, да ладно тебе! – замахала рукой она, явно польщенная. – Скажешь тоже. На огород ездила, фасоль собирала. Лицо, поди, все в пыли. Так, ладно. Ты ж с дороги, уставшая. Пойдем ко мне. Умоешься, покушаешь, дух переведешь...

– Да я...

– Давай-давай.

И Ольга, не слушая слабых возражений Катерины, направилась к двери. Катерина чуть замешкалась, ощупывая карманы, потом вспомнила, что ни замка, ни ключа тут нет.

За калиткой стоял, прислоненный прямо к кустам, Олин велосипед, с повешенными на руль с обеих сторон увесистыми пакетами.

– Видала? – любовно похлопала Ольга по одному. – Какой урожай. Фасоли в этом году уродилось...

– Куда вам столько, тетя Оля?

– Так, давай-ка ты меня позорить не будешь, моя дорогая. Какая я тебе тетя? Оля, и все. Еще б бабушкой назвала...

Катерина со смехом согласилась. Она помнила Ольгу исключительно как подругу матери, но это было в юности, когда тридцатилетние кажутся пожилыми. А теперь вдруг вышло так, что их возраст сровнялся.

– Это еще не все, только часть собрала, – продолжала Ольга, крепко взяв велосипед за руль обеими руками и выводя его на дорогу. – Буду фасолевого рагу делать всю зиму. Ну, и закрутки кое-какие. А створки пригодятся, говорят, при ревматизме помогают и подагре.

И она радостно засмеялась, давая понять, что ни на то, ни на другое не жалуется.

Катерина смотрела на Ольгу Дубко одновременно и с восхищением, и с недоверием, и пыталась сосчитать, сколько же той на самом деле лет. Последний раз они виделись как раз в *то лето*. Катерина была совсем еще девчонкой, а тетя Оля чуть моложе ее матери, Алены Ветлигиной. Стало быть, сейчас ей немногим меньше пятидесяти. Так и не располневшая после рождения двоих сыновей, такая же поджарая. Ничуть не изменившаяся. В этой паре – Алена Ветлигина и Оля Иващенко (Дубко она стала потом, по мужу) – красавицей была Катеринина мать, но и Олю дурнушкой никто не считал. Правда, из-за разницы в возрасте Алена всегда оказывалась на шаг впереди, а Оля была ей как младшая сестра. На несколько лет раньше Ветлигина поступила в институт в Курске. Когда Оля поступила туда же, Алена уже вышла замуж, потом родила дочь и развелась. Когда Оля получила диплом и решила вернуться в Пряслень преподавать в школе, Алена собрала вещи и с маленькой Катей на руках поехала искать счастья в Москву и осела там. Но каждое лето неизменно они проводили в поселке, все вместе. И Катерина всегда знала: тетя Оля – мамина единственная подруга, ближе никого и нет.

Оля оказалась обладательницей редкого дара: умения дружить. Это она не давала связям ослабнуть и распасться. Более того, со временем ее дружба перекинулась и на подростковую Катерину, и Ольга позванивала ей, хотя не виделись они все эти годы, с *того* самого августа. Чаще всего поздравляла с праздниками. Катерине в ответ всегда становилось совестно – она даже номера телефона ее поначалу не знала и сохранила его, только когда появились мобильные телефоны, с этими своими удобными телефонными книжками и определителями. Тетя Оля Дубко неизменно объявлялась 12 октября, чтобы поздравить Катюшу с днем рождения, 31 декабря – с наступающим, и 8 Марта – «с Кларой Цеткин». Только в этом году ритуал изменился. Ольга позвонила две недели назад и сообщила, что приехавшим погостить по соседству москвичам очень приглянулся Катин дом и участок. И коль уж он все равно стоит почти что ничейный и скоро сровняется с землей, то почему бы Катюше не избавиться от этой недвижимой обузы, да еще и с выгодой для себя... Ольга умела быть убедительной, и вот спустя две недели Катерина предприняла вояж, о котором семнадцать лет даже подумать не могла без дрожи и отвращения.

Оля уже открыла свою калитку и вкатила туда велосипед. Ей под ноги бросилась собачонка, одновременно лая и подскакивая, как блоха.

– Тома, а ну цыц! Не вертись под ногами! – прикрикнула на дворняжку Оля. – Катюш, проходи, не бойся, она только брешет.

Дом Дубко был в отличие от Катиного типовой постройки, на две семьи, с двумя входами с противоположных сторон. Таких в 60-е в Пряслене построили несколько десятков – для работников местной фабрики, на которой трудились и родители Оли. Вообще для обычного поселка Пряслень был когда-то вполне зажиточным: затерявшийся в золотых нивах Южного Черноземья, со своим кирпичным, молочным и хлебозаводом и текстильной фабрикой. Катерина помнила, что в детстве это место казалось ей настоящим раем... Впрочем, в детстве так часто бывает.

Напор в кране был совсем слабый, хотя до вечернего полива времени еще уйма. Только набирая в ладони воды, Катерина поняла, как устала в дороге и в ожидании исхода этого пути. Нервничала, боялась, а что нашла? Просто дом. Ни призраков, ни кошмарных видений.

Катерина оглядела себя в зеркале. Пальцами разобрала на пряди растрепанные черные волосы, пытаясь вернуть им форму асимметричного каре, подстриженного по городской моде. Осторожно провела пальцами по глазам, щекам, словно ощупывая незнакомое лицо. Пряслень, и улица Береговая, и дом тети Оли... Она вернулась в то место, где никогда еще не была – взрослой. Поселок видел ее детство и ее юность, так рано оборвавшуюся. А теперь она вернулась взрослой женщиной, без длинных кудрей, зато с мелкими, но все более заметными морщинками вокруг глаз. И с тяжестью на душе.

Ольга ставила чайник, накрывала на стол, на плите шипел синий газовый огонь, и по кухне уже плыл сытный дух картошки с чесноком и зеленью. Время от времени Оля поглядывала на Катерину, но та молчала. Оля, пока Катерина умывалась, успела переодеться в платье. Теперь стало видно, что ее лицо, шея и руки загорели куда больше остального тела: будто забыла стереть темный грим. Катерина тут же припомнила, что у бабушки и дедушки, сколько она их помнила, был такой же загар земледельцев – он въедался в кожу во время каждодневной работы в поле и на огороде и не смывался даже за зиму.

Чтобы прервать затянувшуюся паузу, Ольга вполголоса рассказывала:

– Вот так и живем. Мальчишки мои совсем выросли, Сережке двадцать три, Ване двадцать, учиться еще. Я все там же, уже два года как завуч, не помню, говорила тебе, нет? Варвара Петровна, Кислицына-то, умерла, меня на ее место поставили. Театральный кружок в этом году вот затеять решили, но не знаю, что получится, дети нынче пошли какие-то... не такие. Дискотеки одни на уме. Юрков, у которого еще хозтовары на рынке, открыл бар «Калина», так их хлебом не корми, дай просочиться.

Одновременно она выставила на стол тарелку с пышным серым хлебом и малосольными огурцами в укропе. От огурцов тянуло пряной свежестью, и Катерина не удержалась, тут же подцепила пальцами один и захрустела упругой огуречной долькой. Ольга улыбнулась:

– Ну вот, узнаю наконец нашу Катю.

За обедом Катерина поинтересовалась о тех москвичах, что хотят купить ее дом.

– Будут тут через два дня. Вот их телефон, – Ольга сняла с холодильника прижатый магнитом клочок бумаги с цифрами. – Думаю, за пару-тройку дней все оформите.

– Надо, наверное, прибраться в доме перед их приездом? Я специально заранее приехала, чтобы сориентироваться.

– Ну, это уж как тебе угодно. Может, вещи какие остались от бабушки... Хотя... Вынесли тут в твоё отсутствие – все подчистую. Народ такой. Ну, ты сама видела.

– Да. Вынесли. Ну и слава богу, – отрезала Катерина.

Ольга коротко взглянула на нее, ничего не сказала и не спросила.

После обеда Ольга села лущить фасоль, и Катерина вызвалась ей помогать. За общим делом пропала последняя скованность, и скоро они болтали без умолку. Катерина показала фотографию своего сынишки, Мити.

– Сколько? Восемь лет? Выглядит на все десять, – с видом знатока изрекла Ольга. – А рыженький в кого, в отца?

– Да, в Петю, – кивнула Катерина, ссыпая с ладони в миску гладкие фиолетовые зернышки.

– Оставила своих мужчин без присмотра. Справятся?

– Справятся, не впервой. Тем более там есть кому присматривать, – и в ответ на вопросительный взгляд Оли добавила: – Мы с Петей год как в разводе. У него уже и девушка есть, Ларочка, она хорошая. Так что...

Оля понимающе вздохнула и предпочла промолчать, за что Катерина была ей очень признательна – редко кто из знакомых удерживался от соблазна вернуть какую-нибудь жалостливую, а еще хуже подбадривающую ерунду.

Чем больше фасолин оказывалось в миске, тем медленнее работали пальцы Катерины.

– Ты спишь на ходу, – Оля отняла у Катерины пакет со стручками. – Во сколько ж ты встала сегодня?

– В четыре. Надо было вырваться из области до пробок.

– Так, а ну марш спать. Я тебе на Сережиной кровати постелю.

Кружевная салфетка, венчавшая старомодную башенку из подушек, была снята, а постель сию минуту разобрана. И едва Катерина коснулась головой перины, как тут же провалилась в густой обморочный сон.

Проснулась она, когда день клонился к вечеру. В комнате было душно, над ухом надоедливо зудел комар, а плечо уже чесалось. Катерина свесила ноги с высокой кровати и несколько минут сидела, глядя в окно и с остервенелым наслаждением расчесывая комариный укус. Голова после дневного сна соображала неохотно. С кухни вился запах сдобы, и Катерина внезапно почувствовала себя маленькой девочкой, которая может вот так спать днем, и потом, проснувшись, болтать ногами на высокой деревенской кровати.

Но скоро это ощущение прошло. Она вспомнила, кто она, где она и зачем приехала. В Пряслене больше нет места ее счастью. И даже покою. Надо просто побыстрее со всем разобраться и убраться восвояси.

Теперь она просто размышляла. Что ей нужно сделать? Вернуться в пустой дом и до темноты устроиться там. Разыскать магазин, купить продуктов на ужин и на завтрак – на большее время не имеет смысла, ведь холодильника у нее нет. Да и электричества, наверное, тоже. Завтра, стало быть, разобраться с электричеством... Все самое необходимое лежит у нее в багажнике, вместе со спальником, оставшимся еще с тех времен, когда они с мужем ходили в походы.

И главная задача – скоротать два дня до приезда покупателей. Обо всем этом она и сообщила Оле за чаем. Та даже опешила:

– Вот напридумывала себе! Какой спальник, какие продукты? Жить ты будешь у меня.

– Нет, Оль. Зачем я буду тебя стеснять?

– Опять эти твои городские штучки. Стеснять! Прямо стеснительные все... Мне и в голову не могло прийти, что ты будешь куковать в том доме. Да еще одна. Когда я говорила «приезжай», я имела в виду, что остановишься ты у меня. Даже не думай, слышишь?

Но тут Катерина не уступила. Одно дело – пообедать у давней знакомой, и совсем другое – обременять ее своим присутствием. Часов, проведенных в доме у Оли Дубко, ей хватило, чтобы понять: учительница живет очень скромно. И становиться ее нахлебницей, пусть на пару дней, она не хотела. А денег за проживание Оля не возьмет, это и так ясно, Катерина даже предлагать не стала, побоялась смертельно ее обидеть. Лучше уж идти обратно, в ненавистный пустой дом.

Пообещав еще раз наведаться вечером и позаимствовав тряпки и ведро, Катерина попрощалась с Ольгой. Та все еще хмурилась и всем видом показывала, что именно она думает по поводу Катериной блажи. В доме, куда она вернулась, Катерина веником смахнула паутину из углов, быстро вымыла пол в двух комнатах и кухне – пришлось несколько раз таскать воду из колонки за воротами. В третью комнату, скрывавшуюся за плотно прикрытой дверью, она так и не зашла, не смогла себя пересилить, будто на невидимую стену наталкивалась. Вынесла на двор весь мусор и тряпье, отодвинула шкаф к стене и, довольная результатом, зажгла большую красную свечу в стеклянном подсвечнике. Свечу она взяла из дома. С некоторых пор ей верилось, что даже маленький язычок пламени способен отогнать все дурные мысли, поэтому дома свечей она всегда держала множество и зажигала их по вечерам. Эта, ровным пламенем горевшая сейчас на *диване* рядом с постеленным на пол спальником, была ко всему прочему с запахом корицы. Такой теплый, сухой и крепкий аромат. Он обязательно перебьет затхлость, хотя бы в этой комнате, подумала Катерина, оставляя свечу гореть без присмотра. Выйдя за калитку, она прищурилась от бывшего в глаза солнца и побрела по поселку, припоминая его устройство.

Последний раз Катерина была тут ровно половину жизни назад, семнадцать лет из прожитых ею тридцати четырех. Но первую половину жизни она гостила тут каждое лето. Сначала у бабушки Тоси с дедой Димой, потом, после смерти деда, у одной бабушки. С тех пор, как выяснилось, Пряслень не слишком изменился. На том же месте районная администрация, выкрашенная в бело-розовый, на той же площади рынок. Однако большой гастроном на рыночной площади, на крыше которого, как и прежде, сидели сотни голубей, теперь превратился в универсам, как в большом городе: с тележками и раздвижными дверями. Правда, фотоэлемент уже не работал, и, чтобы войти, пришлось сперва потоптаться, ожидая от техники реакции, и только потом рассмотреть обычную дверь рядом. В гастрономе Катерина купила продуктов и воды и спросила кассиршу, где можно приобрести дверной замок. Продавщица смерила ее непонимающим взглядом.

– В хозтоварах.

– А хозтовары... где?

– У Юркова, – и, сообразив, что Катерине это ничего не сказало, добавила: – А, через дорогу, за цветочным. Только сейчас там уже все закрыто, они до четырех.

Ну да, точно. Здешние магазины закрываются рано, это не большой город, где можно и в полночь ходить за покупками. Рынок с самого утра до полудня. Хозтовары вот до четырех. Чудо, что этот супермаркет все еще открыт. Что ж, придется подождать до утра, а пока ночевать без замка.

Упаковывая продукты в пакет, Катерина поймала полный любопытства взгляд кассирши. Не желая давать ей времени на припоминание своего лица, Катерина сгребла покупки и быстро вышла.

От приближающейся ночи веяло холодком. Здесь, на юге, еще почти не чувствовалось, что наступил сентябрь. Все такие же зеленые деревья и яркие цветы на клумбах и в палисадниках. Но с наступлением вечера жара начинала быстро спадать, не то что в июле, когда и под утро не отступает липкий зной.

Дойдя до дома, Катерина юркнула в дырку забора уже безо всякого трепета. Утренние переживания при свете догорающего дня казались ей едва ли не забавными. «Жизнь вообще имеет обыкновение быстро перекрывать старые чувства новыми, – подумала она про себя. – Жизнь нельзя сдержать. К счастью для всех нас».

Свеча за ее отсутствие сгорела меньше чем на треть, распространив по комнате свой коричный аромат. Катерина распахнула окно, рискуя напустить комаров, устроилась на спальнике и с аппетитом перекусила принесенным сыром с хлебом, глядя, как солнце уходит за горизонт. Она всегда любила ночь больше, чем день, и с самого детства обожала сидеть на подоконнике этой комнаты, глядя сквозь ветки вишни на закат за рекой.

Погода была совершенно безветренная, и уже начинали таинственно трещать ночные цикады. Ни с того ни с сего свеча вдруг стала чадить и искрить, будто в нее брызнули жиром. Пришлось даже наклонить ее, чтобы распределить парафин, но пламя все равно не выравнивалось. Катерина решила погасить ее – она как раз подумывала над тем, что пора наведаться к Оле до наступления темноты, чтобы потом не бродить в потемках. Надо поблагодарить добрую женщину за гостеприимство и еще раз уверить, что она прекрасно устроилась и здесь. Задув огонь, Катерина бросила взгляд на окно и оцепенела.

В комнате она была не одна.

На подоконнике, забравшись с ногами и поставив подбородок на колени, сидела девушка и смотрела на закат. Ее лица видно не было, но весь силуэт вырисовывался на фоне светлого розовато-синего неба графически четко. Узкие, чуть поджатые плечи, скрещенные тонкие лодыжки, безвольно опущенная рука с голубым незабудковым браслетом на запястье. Волнистые волосы, спутанные речной водой и ветром, спадают до самой талии, точнее, до подоконника.

Катерина никогда не видела эту девушку в таком ракурсе, но ей не понадобилось и секунды, чтобы узнать ее.

Потому что это была она сама.

Глава 2

Купальский костер

То лето

Сад опрокидывался к реке.

Катя сидела на подоконнике и представляла, что если уронить набок ковшик с гречкой, то крупа высыплется на стол ровным склоном – точь-в-точь их сбегаящий к реке сад. Как будто его тоже кто-то опрокинул. Небо на западе, куда выходило окно небольшой вытянутой комнатки, полыхало красным заревом. Солнце только-только село в пышные кучевые облака, перевалившие через горизонт.

Катя подумала о бабушке Тосе, маминой маме. Это так странно, так непостижимо – на небе загораются первые звезды, в траве перестали стрекотать кузнечики, и на их смену приходят цикады, оконное стекло задребезжало от проехавшего за воротами «пазика», а бабушка этого больше никогда не узнает. Никогда больше ее руки не заплетут утром седую косу и не уложат ее на затылке в смешной крендель. Никогда больше она не выйдет на крыльцо, и куры не бросятся к ней с кудахтаньем со всех уголков двора, а Найда, полудворняжка-полуовчарка, не залает, заслышав ее шаги за калиткой. Вчера было сорок дней, как она умерла, а мир продолжает жить как ни в чем не бывало. И она, Катя, продолжает тоже.

Досидеть на поминках было выше ее сил. Собрались бабушкины знакомые, соседи, которые знали ее с детства. Так ведь бывает в маленьких городках: все друг друга знают. И бабушку Тосю тоже знали. И любили. Помянули, выпили не чокаясь несколько раз, но потом разговор все равно перетек в другое русло, и еще раз, и еще, и иногда сидящие за столом забывали, по какому поводу они здесь собрались. Обычно жизни довольно скоро наскучивает скорбеть – для Кати, впервые столкнувшейся с утратой, это стало открытием. Тягостным и неприятным. Она ушла в комнату и с трудом дождалась, когда все разойдутся, чтобы помочь матери убрать со стола под навесом.

А на похороны она вообще не приехала, послушавшись матери, Алены. На тот день была назначена олимпиада по русскому языку, в которой Катя должна была участвовать. Сама она не раздумывая бросила бы все и села на поезд, если бы не Алена.

– Ты должна быть здесь, – непреклонно заявила она. Ее лицо, всегда такое красивое, было в эти дни немного неживым. Но все равно красивым. – Я поеду сама. Все, что ты можешь, это написать свою олимпиаду хорошо. Это сейчас важнее.

Девушка позволила себя убедить. Смалодушничала, боялась увидеть бабушку в гробу. И написала олимпиаду. А через неделю Кате сообщили, что ее берут без экзаменов на филфак.

– Бабушка была бы так счастлива за тебя. Она всегда тебя обожала и гордилась, – обняла ее мать, встретив на станции.

– А ты?

Так все и сложилось. Пока одноклассники бились над вступительными экзаменами в институты, Катя запоем читала Хемингуэя и Ремарка – под старой липой, на пляже, на трибунах стадиона – за сотни километров от привычной жизни. И чувствовала себя на другом краю мира. В книгах она искала другие страны, другие ощущения, то, чего никогда не знала и никогда не испытывала, то, в чем хотела спрятаться от осыпающейся реальности. Почему-то, читая о трагедиях чьей-то другой, выдуманной жизни, она сама чувствовала себя чуточку легче.

Дверь комнаты скрипнула, и из кухни на половицы лег желтый прямоугольник света. Это заглянула Алена.

– Иди ужинать.

Катя соскользнула с подоконника и босыми ногами зашлепала к двери по прохладному полу, одновременно собирая длинные волосы в узел. В голове мелькнула мысль, что теперь волосы можно оставить в покое: какая кому разница, ведь это бабушка Тося старомодно не любила, когда кто-то из женщин садился за стол непричесанной. А теперь бабушки нет. Катя упрямо сжала губы и стянула хвост резинкой туго-туго, так, что заболела кожа на голове.

Мать уже сидела за столом и разливала по двум стаканам белый квас из запотевшей трехлитровой банки. Катя примостилась рядом, придвинула к себе миску с крошкой и тарелку, положила несколько ложек, разбавила простоквашей и принялась хлебать. В душной кухне холодная еда казалась чем-то восхитительным.

– Ты курям насыпала? – пробормотала Алена, не глядя на дочь.

Катя кивнула. Алена поставила перед ней квас и задумалась. Ее аккуратные пальчики с гладкими розоватыми ногтями медленно водили по клеенке, которая покрывала обеденный стол. Клеенку с нарисованными на ней цветочками испещряли старые трещинки и надрезы. Некоторые были едва различимые, из других, длинных, сделанных неосторожным ножом, торчали волокна нижнего слоя, похожие на синтепон. На одной такой царапине пальцы Алены замерли. Катя искоса наблюдала за матерью. Та уставилась в одну точку с совершенно непроницаемым выражением лица. И только покрасневший нос и дрожащая нижняя губа выдавали ее переживания. Кате вдруг захотелось обнять ее, приласкать, прижать к себе, как маленькую. Она ласково погладила материнскую руку.

– Мм? – Алена, нахмурившись, перевела взгляд на дочь. После легкого замешательства вздохнула, потерла переносицу усталым жестом и прикрыла рукой глаза. – Голова разболелась. Это все жара.

– Ты весь день ничего не ела. Давай – крошечки, положить? – Катя взяла миску с крошкой и чистую тарелку.

– Нет, на надо, я не хочу.

– Мам...

– Ты клубнику собрала? Я тебя вчера просила.

Катя с досадой зажмурилась:

– Забыла.

Алена ничего не сказала. Легко встала из-за стола, убрала хлеб в хлебницу, а так и не запачканную тарелку обратно в посудный шкаф. Несмотря на усталость и только что закончившиеся поминки по собственной матери, Алена двигалась пружинно и одновременно плавно, несуетливо. Суета вообще никогда не была ей свойственна. Она не суетилась, даже когда опаздывала – может, поэтому и успевала всегда вовремя.

Перед тем как убрать банку с квасом в холодильник, Алена налила и жадно выпила еще стакан. Ее кожа на лбу, шее, груди и над верхней губой блестела капельками пота.

– Знаешь, сколько на градуснике? Двадцать девять. А уже десятый час, – словно жалуясь, сообщила она, прикрыв глаза и пальцами пытаясь размять ноющую шею и затылок. – На речке была сегодня?

– Не-а. Когда...

– Пойдем. Собирайся. Я тут свихнусь иначе.

Катя с готовностью подскочила. Искупаться сейчас было бы здорово, у нее и самой уже футболка неприятно липла к спине. Обычно Алена ходила на пляж одна, когда ей было удобно. Это Катя могла просиживать на реке по полдня, а Алена обычно окуналась, вытиралась и шла домой. Так что Катя вдвойне обрадовалась ее предложению.

Через сад было короче. Алена первой спускалась через малинник по круто уходящей вниз тропинке. Подол ее тонкого голубого сарафана то и дело зацеплялся за колючки, и тогда она нетерпеливо одергивала его рукой. Ткань как будто светилась в сгущающихся сумерках.

Небольшой пляжик с намытым течением песком опустел с приходом вечера. Только старушка баба Нина с соседней улицы стояла по пояс в воде, вся в мыльной пене, и шаркала спину мочалкой. Ветлигины обе громко поздоровались с ней, она прокудахтала что-то в ответ.

В реке текло вечернее небо.

Алена быстро сбросила платье на песок и подошла к воде. Девушка, оглядев материнскую фигуру, покосилась на собственную грудь и украдкой разочарованно вздохнула. Затем она зашла в воду и поплыла, бесшумно разгребая воду и стараясь не поднимать рябь. Было приятно плыть вот так, в тихой темной воде, ощущая ее упругую слоистость: верхний слой теплее воздуха, а внизу подкрадывается холод речных глубин. Впереди, на самой стремнине, плыла Алена, были хорошо видны ее быстрые энергичные гребки. На другом берегу какие-то ребята жгли костер, и их смех разносился над водой, а слова можно было расслышать даже на таком расстоянии.

– Да то-очно приплывут! – растягивая гласные, поддразнивала кого-то девушка, неразличимая отсюда.

– Ну, а шо говорил-то? – допытывалась вторая, с характерным говором южанки.

– Вот ты... Шо приплывут! Шо-шо!

– Сейчас ка-ак приплывет, как утащит нашу Женьку, – расхохотался басом парень, и в ответ девичий голос сорвался на визг.

Река называлась Юла, именно так, с ударением на первый слог. Бабушка всегда звала ее ласково – Юленька, как маленькую девочку. Она всю жизнь прожила в Пряслене, а жизнь в поселке была неотделима от жизни на реке. Здесь спасались от жары с мая до сентября, а деда Дима, сколько Катя его помнила, купался и вовсе до самых морозов и еще по первому снегу. На пляжах устраивались посиделки, через мосты носили невест. На реке ловили раков и рыбачили, летом с лодок и берегов, а зимой в прорубях. По реке добирались до соседних деревень в паводок, когда размывало и без того неважные проселочные дороги, разбитые грузовиками и тяжелой техникой. До того как в поселке сделали водопровод, бабы стирали в Юле белье, а иногда даже брали питьевую воду. Впрочем, и сейчас не многое изменилось – вода в домах была не у всех, и кто-то до сих пор приходил на речку стирать и мыться. Чтобы натаскать воды из колонки, требовалось время, а тут, прямо за околицей, всегда текла чистая широкая Юла. Хочешь – белье полощи, хочешь – мойся. Рассказывали, что до войны по ней даже ходили суда, и хоть после строительства водохранилища выше по течению русло обмелело для судоходства, но именно тут билась главная жизнь Прясленя.

Умиротворенная, Катя распустила волосы и перевернулась на спину, откинувшись назад. Вода залила уши, приятно захладила затылок. Волосы расплылись вокруг головы темными плетями, как водоросли. Под водой все слышится иначе. Теперь уже не было ни смеха шумной компании, ни лая дворовых собак, ни гудка проезжающей по мосту машины. Таинственные далекие звуки, бряцанье, какие-то стуки, шорохи – там, где шуршать не может. Катя задержала дыхание. Казалось, можно расслышать шевеленье сомов и налимов, скрежет рачьих клешней по песку в норах, а может, и подводное пение русалок. Катя вдруг встрепенулась, испугавшись непонятно чего, захлебнулась, плеснула руками по воде – и вовремя. Прямо на нее надвигался нос плоскодонки.

– Эй! – испуганно отпрянула она и заработала руками и ногами, стараясь отплыть подальше и не попасть под лодку.

Плоскодонка проскользила мимо. В ней сидели двое – на средней скамье кудрявый парнишка, еще подростково-угловатый, с острыми торчащими ключицами, и на корме парень постарше. Он и правил лодкой, проворно разгребая толщу темной воды веслом. При виде фыркающей Кати ребята весело переглянулись.

– Мавок развелось тьма, – многозначительно заключил кормчий. Светловолосый парнишка прыснул в кулак. И лодка поплыла дальше, на середину реки. Катя раздраженно прово-

дила их взглядом, одновременно выискивая Алену. Та спокойно возвращалась обратно, держась на внушительном расстоянии от суденышка.

Катиной безмятежности как не бывало. Был ли этому виной испуг от неожиданного появления лодки так близко, или сама вода придавала девушке какой-то нервической бодрости... Не осталось и следа усталости. Над водой вдруг разлетелся чей-то громкий свист и гиканье. Плоскодонка уже пересекла реку и приставала к другому берегу – это ее прибытие так радостно приветствовала компания у костра. И Катю на миг нестерпимо потянуло туда же, к костру, и этим незнакомым девушкам и парням, которым было так весело и беззаботно этим вечером.

Алена поравнялась с дочерью.

– Ну что, ты вылезаеть?

– Да, сейчас.

Пока Катя медленно перебирала ногами и руками, чтобы ее не снесло течением, Алена в несколько сильных гребков достигла пляжа и вышла на берег. Взяла мыло и вернулась в воду. Катя знала, что мать не любит мыться на речке, но сегодня уже не было сил на всю эту возню с ведрами и колонкой. Сумерки сгустились достаточно, чтобы стыдливая Алена не чувствовала себя слишком уж неуютно.

Катя доплыла до самого берега, на теплое мелководье, так, что уже руками могла шупать дно. Она не спешила выходить из воды, тем более что с уходом соседки они с матерью остались на пляже одни.

– Тебе мыло надо?

Вообще-то, выходя из дома, Катя тоже намеревалась помыться. Но сейчас... ей вдруг расхотелось. Она медлила и не выходила из воды – какое-то пятое чувство твердило ей, что за ней наблюдают. Может, с другого берега, а может, еще откуда.

– Не-а.

Алена, вся в мыльной пене, вышла на песок и положила кусок мыла в мыльницу, а потом снова вернулась в воду и поплыла. За ней пару секунд тянулся белесый пенный след, а потом растаял.

– Мам... – вполголоса, стараясь говорить тихо, окликнула ее Катя.

– А?

– А мавки кто такие?

– Мавки? Ну, по-русски русалки, их здесь так называют. А что?

Захотелось смеяться.

– Да так, просто.

Катя резко встала в полный рост, вода с шумом схлынула с ее тела. Она двумя скачками ринулась на глубину, оттолкнулась пятками и, уже в полете вытягивая руки над головой, нырнула во тьму сумеречной реки.

Прошло несколько дней, и Катя заскучала. Она была немного диковата. Единственная приятельница, Настена Сойкина, живущая на углу Береговой и Советской, вот уже две недели гостила у родственников в Крыму, и ей было не с кем ходить на пляж. Одной неловко, кто-нибудь из молодых ребят обязательно подсаживался знакомиться и отвлекал от чтения.

Алена совершенно втянулась в деревенский быт, ходила за курами (*куря́ми*, если говорить по-деревенски), полола морковь, подвязывала помидоры лоскутами, на которые перед этим рвала старые тряпки. При этом Катя и мысли не допускала, что это навсегда. Да, конечно, Алена взяла бессрочный отпуск в своем конструкторском бюро, но так поступили многие бюджетники: зарплату задерживали на долгие месяцы, иногда платили не деньгами, а какими-нибудь продуктами или вещами и бог знает чем еще. Сад и огород, да еще в Черноземье – московские знакомые считали Ветлигиных счастливицами. А местные подозревали, что москвичам живется лучше, чем им самим, просто потому, что они из столицы. Отчасти так и было,

Москва не испытывала всех тягот разрухи, но лично Алена Ветлигина и ее дочь не шиковали – ни в Москве, ни в Пряслене. На скромную зарплату инженера загибающегося КБ особо не пошikuешь, так что мать в любом случае собиралась на лето и осень переселиться сюда, еще до бабушкиной смерти. Но Катя знала и другое: что наступит осень, она поедет учиться, и Алена вскоре, собрав последний урожай и составив его в погреб в виде бесчисленных банок солений, варений и закруток, запрет дом, засунет ключ под кусок каменного угля под козырьком сарая и тоже сядет на автобус до станции. Она горожанка, и осенью ее надолго не хватит. Достаточно посмотреть, как сильно она отличается от остальных здешних огородниц: не спортивные трико с вытянутыми коленями, а легкие платья, не линялые и выцветшие платки из дешевого ситца, а яркая шифоновая косынка, аккуратно прикрывающая белокурую голову от солнцепека. Сколько Катя помнила себя, Алену всегда можно было охарактеризовать одним словом – безупречная. Рассаживала ли она пионы, травила ли жуков или рыхлила междурядья у картошки, она всегда возвращалась безупречной, хотя дочь никогда не замечала, чтобы она прихорашивалась или вертелась перед зеркалом больше положенного. Все выходило как-то само. Ее безупречность была от нее неотделима.

Часам к семи они только-только обобрали клубнику, и Катя выуживала из волос непонятно как там оказавшуюся солому: бабушкины грядки клубники всегда были ею укрыты. Алена, заметив попытки, шагнула к дочери и легко выцепила пальчиками соринку, а потом сняла еще несколько с отворота ее шорт.

– Ну вот, ты вся в *вастюках*.

Вастюками тут называли всякий растительный сор: веточки, соломинки, колючки. Каждый раз при слове «вастюки» Катя не могла сдержатъ смех, до того забавным оно ей казалось. Вот и теперь она фыркнула, Алена щелкнула ее по носу и пошла в дом.

Солнце зашло за дом, и на крыльце уже образовалась тень. Катя скорее забежала по ступенькам и прикрыла за собой дверь, чтобы не впускать жару. В хате оказалось немного прохладнее, все шторы плотно задернуты, и от этого в комнатах полумрак. Катя прошлепала к холодильнику и стала жадно пить вишневый компот прямо из банки.

– Катъ, поставь воды вскипятить, – велела Алена, выйдя из своей комнаты. Она с облегчением обтирала шею смоченным водой махровым полотенцем.

– Тебе зачем?

– Курицу ошпарить, чтоб ошипать.

Катя решила, что ослышалась.

– В смысле... Дядь Сашу позвать? Чтоб зарубил?

– Не надо. Я сама.

Катя недоверчиво ухмыльнулась.

Такого не могло быть. Перед работой на огороде Алена всегда хорошенько скребла кусок мыла, чтобы под ногти забилося оно, а не земля, и чтобы после можно было легко вернуть рукам безукоризненную чистоту, помыв их в тазу и смазав репейным маслом или рапсовым. Эта женщина не может зарубить курицу. Потому что просто не может.

Катя продолжала улыбаться, пока ставила на плитку полведра воды и зажигала газ в летней кухне под навесом. Она только не могла решить: то ли ей сидеть тут, то ли морально поддерживать мать рядом с курятником. Стоять у курятника, значит, оказаться свидетелем того, как Алена спасует, а если не стоять... что, если она все-таки сможет? Да нет, исключено!

Тем не менее ноги сами вывели Катю на крыльцо. Она тихо села на край еще теплой ступеньки и взяла миску с клубникой, чтобы занять руки. Сама она пристально следила за передвижениями Алены. Та громыхала чем-то в сарае, потом вышла, уже повязав клеенчатый фартук и перекатывая перед собой большую колоду, всю в зарубках. Установила ее поближе к курятнику, снова зашла в сарай и вернулась оттуда с топором. Взвесила его на руке и, примериваясь, всадила одним углом в колоду.

К горлу подступила дурнота, и Катя сглотнула. Бабушка всегда рубила кур, пока ее *дича* гуляли, или купались, или уходили в гости, а скотины не держала вовсе. Давным-давно была у нее корова Машка, но однажды ту пришлось отдать на мясокомбинат, и баба Тося так тяжело и долго это переживала, что больше и слышать не могла о скотине. А кур рубила. По правде сказать, Кате довелось видеть только желтоватые ошипанные тушки, уже мирно лежащие у плиты на разделочной доске со скорбно скрещенными лапками. И вот теперь она видела свою маму, с ее прямой спиной и упрямым подбородком, в фартуке, который так ей не шел, и с топором. Более неуместных для нее вещей сложно было и представить. Все еще цепляясь за мысль, что Алена откажется от этой бредовой идеи, Катя наклонила голову и принялась отрывать хвостики клубники, кидая их в одну чашку, а саму ягоду – в другую, зажатую между колен.

Алена тем временем расправила плечи и глубоко вздохнула, задрав голову вверх. В вышине со свистом пикировали стрижи. Она провела обеими руками по лбу, отводя выбившиеся из косы пряди к затылку, и одернула клеенчатый фартук мимолетным, но старательным движением школьницы. А потом скрылась в курятнике. Оттуда слышалось беспокойное кудахтанье.

Катя улыбнулась и беззаботно закинула в рот одну клубничину. Ей живо представлялось, как за деревянной стеной мама сейчас стоит и смотрит на насесты. На них сидят куры, белые, рыженькие, рябые, а большинство из них еще бестолково мечется по курятнику, дичась человека и одновременно косясь глазом – вдруг рассыплет зерна. Алена, закусив губу, должно быть, смотрит на птиц и осознает, что ничего не выйдет. Она с понурой улыбкой качает головой, переминается с ноги на ногу, но решение уже принято. И она поворачивается, чтобы...

Дверь курятника распахнулась и тут же захлопнулась обратно. Алена, крепко держа левой рукой курицу за ноги, закрыла щеколду и направилась к пню с торчащим из него топором. Катя напряглась и похолодела, вцепившись в миску с клубникой обеими руками.

Курица нелепо болталась вниз головой, вытянувшись и обвиснув, как кролик, когда его берут за уши. Красный пупырчатый гребешок подрагивал. Растопыренные розоватые лапы и рука, крепко их сжимавшая, были неуловимо похожи, одинаково жилистые и худые.

Алена взяла топор и ухватила его покрепче. Подняла к плечу.

Одним быстрым движением, почти с захлестом, бухнула беспокойно кудахтнувшую курицу на колоду и сразу же следом опустила топор.

Тюк!

От неожиданности Катя подскочила и осталась стоять.

Алена держала еще подергивающуюся тушку над стеклянной банкой. Вокруг было так тихо, что стало слышно булькающую кровь, стекающую туда. Сама женщина снова запрокинула голову и глядела в небо, где продолжали свистеть стрижи.

Прошло около минуты, прежде чем Алена перевела взгляд на Катю. Та все еще не шелохнулась. Но мать смотрела ей не в глаза, а куда-то ниже, и Катя тоже оглядела себя. Вся юбка покрылась пятнами клубничного сока, а под крыльцом пестрели просыпанные из перевернутой миски ягоды.

– Что там вода, закипела?

Спокойный твердый голос.

Катя очнулась и почему-то засуетилась. Ноги были непослушными, жар схлынул от сердца вниз, потом резко вверх, и щекам стало горячо.

– Сейчас.

Она бросилась на летнюю кухню, где уже ключом кипела вода. Схватила тряпку, чтобы снять ведро с плиты, и заметила на тряпке красные пятна. Девушка почему-то чуть не взвизгнула, отбросила тряпку прочь и только сейчас заметила свои руки. В кожу вьелся ягодный сок. Красные пальцы, остатки бурой мякоти под ногтями, длинный смазанный след на тыльной стороне ладони. Катя судорожно втянула носом воздух. И, не обращая внимания на исходя-

щую паром воду на плите, принялась с остервенением отмывать руки. Рукомойник позвякивал, когда она ладонью била снизу вверх по «язычку», и вода со звоном проливалась из чаши и стекала в лохань на полу. Рассохшееся, все в темных трещинах мыло давало обильную пену. Девушка видела, что руки стали чистыми, но все равно терла их одна об другую, еще и еще...

А потом Алена сварила бульон. Крепкий, с прозрачными радужными пятнышками жира, наваристый и совершенно прозрачный. И лапши наделала так же, как делала бабушка. Лапши бабушка Тося всегда делала много, и, подрастая, Катя все чаще помогала ей: то поджаривала раскатанные пласты перед нарезкой, то тесто вымешивала.

– А ты муки под него, муки, – руководила с улыбкой баба Тося.

– Так тогда не лапша, а мука сплошная получится, – неуверенно тянула Катя.

– Ну так шо? Хай буде, не жалко!

Когда в школе Катин класс проходил «Обломова», Катя прочла описание того, как Обломов смотрел на локотки своей жены Агафьи Пшеницыной, когда та хлопотала на кухне. И тут же вспомнила бабу Тосю. У нее были такие же полные мягкие руки с ямочками на локтях, ласковые, но сильные и проворные, когда это требовалось. И смотреть на них было одно удовольствие.

И вот теперь ее дочь, Алена, на памяти Кати никогда, ни разу не участвовавшая в приготовлении, поставила перед Катей тарелку с ниточками лапши, плавающими в прозрачном наваристом бульоне вместе с мелко порубленной зеленью. Будто сама баба Тося стояла у плиты все это время. Катя даже не подозревала, что мать умеет делать так же – за всю жизнь та никогда не варила это блюдо дома, в Москве.

Видя Катин взгляд, Алена нахмурилась.

– Не будешь?

– Буду.

– Кушай. Это вкусно, – словно спрашивая или уговаривая, неуверенно пробормотала Алена.

И Катя ела. Обжигая язык и исходя потом. И это правда было вкусно.

Назавтра вернулась из Крыма Настена Сойкина... Она заскочила ближе к обеду, загорелая, с радостными глазами и громким южным говорком, и слопала две тарелки супа. Кате в это время дня становилось дурно от самой мысли о горячей пище – летом из-за этого она почти не ела и худела еще больше. Вчерашняя лапша была не в счет. А вот Настю жара, напротив, несколько не смущала. Она с аппетитом хлебала бульон, от которого лениво поднимался пар. Выгоревшая майка открывала ее полненькие плечи и налившуюся грудь.

Настя поминутно стреляла глазами на подметающую пол Алену и, когда та вышла за порог, зашептала:

– Ты завтра идешь?

– Куда? – не поняла Катя.

Настя вытаращила глаза:

– Тю! С ума сошла? Все ж только...

Входная дверь впустила поток горячего воздуха с улицы – и Алену. Настя замолкла на полуслове, и было видно, как она с трудом сдерживает нетерпение. Ей пришлось ждать, пока Катя помоеет посуду и переоденется, чтобы идти на речку. Наконец, захватив с протянутой через двор бельевой веревки полотенце и кликнув Найдю, они вышли в сад и стали спускаться вниз. Сойкина, одергивая явно маловатую ей, несколько раз перелицованную юбку, оглянулась на окна дома.

– Ну, так идешь или нет?

– Да куда? Можешь толком сказать-то?

– Ну ты даешь, – закатила глаза Настя. – Завтра ж Иван Купала!

Естественно, Катя знала о таком празднике. В школе небось Гоголя все читали, «Вечер накануне Ивана Купала» и прочую чертовщину. И даже если завтра этот самый день – пусть. Только вот какое отношение это все имеет к ним?

Видимо, недоумение проявилось на ее лице, потому что Настена даже причмокнула от предвкушения.

– Ну, подруга... – и выдержала паузу, такую долгую, что Катя успела пожать плечами и продолжить путь.

– Ладно-ладно, ну шо ты сразу как маленькая! – догнала ее Сойкина и зашагала рядом, отмахиваясь от назойливых мух хворостинкой. – Завтра вечером будут за мостом праздновать! Всем поселком. Прямо как раньше, ну, до революции еще. Прикинь?

Кате тут же представилось древнее действо с прыганием через костры, хороводами и венками на воде. Ну да, ага, в конце двадцатого века, как же.

– И, ясное дело, всем поселком через костры прыгать будем...

– А вот будем! Евграфов в город ездил, они ж там мэра по весне выбрали, так там на Троицу теперь три дня гуляют. Такой новый... как сказать-то... традиция, короче, новая. Не день же пионерии! И Евграфов захотел в нашем районе тоже какую-нибудь традицию ввести. Собезьянничал. Решил, будем Ивана Купалу праздновать. А что, очень даже...

Евграфов был главой района, то есть местный князек, по прясленским меркам – царь и бог.

– Ну, если Евграфов... – протянула Катя с насмешкой.

– Кать. Да ладно тебе строить из себя... – вдруг вздохнула Настя. – Никто ж не заставляет тебя никуда идти. Не хочешь – не надо. Сиди дома как дура.

Настя раскусила ее. Кате не по себе было на больших сборищах, она дичилась шумных компаний, незнакомых людей. Хотелось бы ей с легкостью шутить, знакомиться со всеми, хохотать чьим-то шуткам. Но так легко, как у той же общительной Насти, – не получалось.

Они вышли на пляж. Найда тут же забежала по брюхо в реку и стала жадно лакать. Ее язык заработал мощно, словно водяное колесо на мельнице. Стягивая юбку и футболку, Настя все еще молчала – дулась на подругу. А Катя уже забежала в реку и поплыла. После раскаленного воздуха и спекшейся земли под ногами вода казалась звонкой. В голове тут же стало просторно и свежо.

Наконец, пытая и отфыркиваясь, до резвящейся на середине реки Кати доплыла и Настена. Плавала она неважно, по-собачьи перебирая руками у подбородка, и такое далекое плавание для нее было сродни подвигу.

– Настен, а во сколько начало-то? И где? Я ж пойду! – наградила ее Катя за усилия.

– Ой, ну слава богу! В десять, за мостом, напротив парка. Я ж почему шепотом-то говорила... Вдруг тетя Алена не отпустит? Тогда можно прикинуться, что спишь, а потом через окно вылезти, да?

Катя думала, что ее согласия будет достаточно, чтобы можно было обсудить что-то другое. Но Настена так увлеклась предстоящим действием, что не могла говорить ни о чем больше. Она, оказывается, даже от родственников приехала специально на три дня раньше, чтобы не пропустить завтрашний вечер. И пока солнце пекло и щипало плечи, пока рядом гудела оса, пока Найда отряхивалась и топталась мокрыми грязными лапами по покрывалу, и когда жарить стало нещадно, и пришлось перебраться в тень большой ивы – девушка все тараторила, тараторила. Катя давно перестала слушать и палочкой чертила рожицы на песке. А потом почему-то начертила лодку и тут же зачеркнула.

Но к чему она уже совсем не была готова, так это к тому, что дома тема грядущего праздника продолжится. Вернувшись с пляжа, она узрела еще одну сцену рассказов и уговоров – это мамина подруга, тетя Оля Дубко, расписывала Алене радужные перспективы. Она сидела на табуретке и от полноты чувств качалась взад-вперед.

– Ален, ну хватит! Если я говорю, что надо идти, значит, надо. Все, баста. Надо.

– Оля, кому? Мне и тут хорошо.

Катя усмехнулась:

– У меня уже во-от такая голова, Настена все уши прожужжала про завтра.

– И что, пойдешь? – оживилась еще больше тетя Оля.

Катя пожала плечами:

– Пойду.

– Вот! Аленка, бери пример с дочери. Ну не томи!

Алена и Катя переглянулись. Алена вздохнула и сокрушенно кивнула.

– Только ни через какой костер я прыгать не буду, ясно?

Следующий день отличался от предыдущих. На него словно отбрасывал всполохи еще не зажженный на берегу купальский костер. Настроение с самого утра было приподнятое.

В полдень, по самой жаре, Настена потащила ее в кинотеатр: кино там показывали только по выходным, а в будни продавали мелкие товары – лаки для ногтей, дешевую косметику, пластмассовую бижутерию. По случаю праздника Сойкина решила потратить скопленные деньги, которых у нее обычно вообще не водилось. Сейчас она выбирала шпильки с крашенными под жемчуг бусинами – по лицу было видно, что она решает непосильную задачу, перед которой меркнет вся физика за десятый класс. Рядом шушукались и смеялись две подружки, вертя в руках баночки и флакончики.

– Кать, ну посмотри, ну как? Эти или которые блестят?

Катя пожала плечами. Ее не очень впечатляли товары, тем более что денег все равно не было, а просить у Алены на такую глупость она бы ни за что не стала, не маленькая уж. Она прислонилась к толстой кирпичной стене и ненароком наблюдала за остальными покупательницами. Обе чуть постарше ее, одна худая и невзрачная, а вторая с повадками красотки. Впрочем, она и являлась таковой, большеглазая и белокурая, как куколка, и в короткой джинсовой юбочке, открывавшей крепкие коленки. Когда они только зашли в магазин, Сойкина сразу же бросилась к ним с поцелуйчиками, но Катю не представила, и та только слабо кивнула.

Белокурая тем временем бросила цепкий взгляд на шпильки в руках Насти.

– От тебя проку чуть... – зашипела Настена Кате. – Ладно, эти возьму.

– А я бы на твоём месте вот те взяла, со стразами, – вклинилась белокурая. – Жемчуг, конечно, красиво, но облезет через неделю. Проверено.

Ее выщипанные бровки выразительно приподнялись. Настя закивала головой, еще раз с сожалением посмотрела на жемчужины и отдала их продавщице. Купила она те, что посоветовала белокурая, и вместе с Катей они вернулись на солнцепек.

Сухой до треска воздух дрожал от волн жара, идущих от стен домов и тротуаров. Редкие петунии, понатыканные в клумбу, склонили граммофончики цветков прямо до растрескавшейся земли. Поселок как будто вымер – ни одного человека на улице.

– Что за девушка это была, в магазине? – поинтересовалась Катя. – Светленькая.

– Это ж Женька Астапенко, дочка директора маслозавода. Та еще фря... На почте работает. И ее подружка, Надька. Всегда вместе, прямо «мы с Тамарой ходим парой». А Женька ко всему еще и богатая. За шмотками в город ездит. Да и вообще... Она с Костей Венедиктовым гуляет, знаешь, такой высокий, который странный немного... Сохнет по нему страшно! Она ему и в армию писала! Правда, это не мешало ей с Матвеем целоваться на цигельне¹, я их видала... Ну а как Костян с армии вернулся, она на нем повисла, и все. Теперь у них любовь.

И вот уже вечер.

¹ Цигельня – кирпичный заводик (южнорус. от немецк.).

– Что наденешь? – между делом поинтересовалась мать, когда Катя вернулась с реки, умытая, пахнущая мылом.

Та мотнула головой:

– Шорты. И рубашку, ту, с коротким рукавом.

Алена бесшумно вышла из кухни и тут же снова вернулась, неся в руках что-то белое.

– На-ка, примерь, – протянула она сложенную ткань и тряхнула ею, раскрывая перед дочкой. Это оказался белый батистовый сарафан. Тончайшая ткань, не прозрачная, но просвечивающая. Широкая двухслойная юбка чуть ниже колена, спадающая складками. И вышивка ришелье на груди.

– Ой, мамочка... – Катя несмело взяла протянутый наряд. – Какая красота. Так вот что ты вчера весь вечер перешивала?

Алена вместо ответа раскрыла старый платяной шкаф, и Катя отразилась в зеркале на внутренней стороне дверцы. Она тотчас стянула с себя одежду и примерила сарафан. Он пришелся как раз впору. Катя замерла, оглядывая его – и себя – с восхищением. Закружилась, и юбка взлетела и завертелась вокруг ног широким куполом. Резко остановившись, Катя бросилась Алене на шею.

– Спасибо-преспасибо!

Алена довольно улыбнулась.

– Ну вот, а ты говоришь «шорты». У меня не ребенок, а сорванец!

После ужина Катю стали охватывать сомнения. Это Алена может преспокойно носить такие наряды хоть в огород, а она... Она сорванец. Что делать с волосами? А что с ногами? Катя с отчаянием оглядела шершавые пятки, грязь под ногтями и царапину на коленке, позавчера щедро смазанную зеленкой. Нагретая вода в тазу и кусок мыла не решили проблему. Еще десять минут девушка терла пятки попеременно содой и песком, потом пыталась отбелить кожу лимонной кислотой – и устроила в тазу химический гейзер, но лишь немного улучшила ситуацию. Обреченно вздохнула – и бросила это гиблое дело.

Пока она суежилась, Алена умиротворенно гладила сарафан и свое синее платье в мелкий горошек, вытащив утюг и гладильную доску на улицу. Еще несколько минут – и вот уже ее глаза были аккуратно подведены, в уши вдеты серьги с цирконами, а шею обвила изящная серебряная цепочка. И она из прекрасной дачницы превратилась в прекрасную горожанку. Как-то сразу вспомнилось, что в мире есть метро, большие проспекты, большие магазины и спешащие люди, которые не смотрят друг на друга. А Катя была похожа на ту же самую Катю, правда, с расчесанными волосами.

Алена одобритительно оглядела ее и достала из шкафа коробку с босоножками на каблукке. Белыми.

– Наденешь? – предложила она. Катя мелко закивала головой, не веря своему счастью. Эти босоножки она частенько примеряла, пока мамы не было дома. И думала, что Алена об этом не догадывается. Катя быстро застегнула ремешки и оказалась выше матери на полголовы.

Когда они вышли за калитку, соседка через улицу тут же – Катя видела – выглянула из-за забора и рассмотрела их со всех сторон, а для пущей зоркости еще и ладонь козырьком приложила ко лбу. Через пару домов к ним присоединилась тетя Лида Нелидова, мамина бывшая одноклассница. Грузная, краснощекая, с быстрыми любопытными глазами-пуговками. Ровесница Алены, она выглядела лет на десять старше. Обычное дело для этих краев, где женщины стареют рано и скоропостижно. То ли дело в ярком солнце и отсутствии элементарного комфорта, то ли в заботах, за которыми они забывают о том, что женщины. Ранний брак, дети, скот, хозяйство, тяжелая работа с утра до ночи. А еще скворечник туалета на улице, в который надо выходить не только летом, но и морозными ночами, если приспичит. И это особое, исконно русское отношение к жизни: с горестным вздохом и ощущением, что ничего светлого и хорошего впереди нет. Кто знает, может, оно и награждает морщинами прежде времени? У тети

Лиды было полным-полно разных хлопот и хворей, о которых она с охами и стенаниями рассказывала ежедневно всем желающим. Болеть она, судя по всему, просто обожала. И еще она обожала сплетничать, но, впрочем, это как раз самое рядовое увлечение. Она и сама имела свое место в прясленских пересудах, со временем ставших почти фольклором. Ее муж, дядя Саша, когда еще не был ее мужем, а она не носила его фамилию, часто выпивал. И когда, бывало, дородная Лида вела худосочного шуплого жениха из гостей под белы ручки, чертыхаясь на чем свет стоит, соседи шутили, переиначивая поговорку, мол, «Лида Нелидова везет». Эту смешную фразу Катя слышала с детства, но полностью разобралась в ситуации только когда выросла, а в самые ранние годы воображение рисовало ей лохматого зверя «нелида», которого везет (почему-то представлялось, что в тачке) мамина подруга.

Не успела тетя Лида открыть рот и пожаловаться на боль в пояснице, как из калитки дома Дубко высыпала малышня, сыновья тети Оли. Выпорхнула и она, в платье с пышной юбкой, туго схваченном пояском на осиной талии, – ни дать ни взять Гурченко из «Карнавальная ночи». Вскоре их догнал запиравший двери ее муж, Витя Дубко. Такой шумной компанией они двинулись по Береговой в сторону центра Прясlenia.

Катя немного отстала на углу Советской и постучала в ворота Сойкиной. Та, трясая завитыми кудряшками, уже скакала по крыльцу на одной ноге, второй пытаясь попасть в туфельку со сбитой набойкой и одновременно защелкивая на мочке уха клипсу.

– Все, я готова!

Она ринулась вперед.

– Да подожди ты, шальная... – ухватила ее за руку Катя. Настена явно завивала волосы старым бабушкиным способом – «на тряпочку». То есть буквально брала длинные лоскутки и оборачивала вокруг них прядки. Одна такая тряпочка еще болталась за ухом, и Катя осторожно развязала ее и протянула подруге. Настена быстро перекинула лоскуток через ограду.

– Пошли!

– Катерина! – раздался зычный, нараспев голос из форточки Настиного дома, и в следующее мгновение показалась голова матери Сойкиной, тети Вали.

– Да, тетя Валь, здрасти!

– Як вы там, дюже долго?

Тетя Валя говорила на совсем уж гремучей смеси украинского и русского, щедро сдабривая все это южным произношением, где буква «г» становилась резким «хэ» на выдохе.

– Да нет, наверное, тетя Валь, не очень.

– Ну, дивчата, побачьте и назад скоренько.

– Мам, – вздохнула Настена.

– Та шо ты там балакаешь? Знамо, шо там будет. Горилка, хлопци... Я ж така ж була...

– Тетя Валь, да с нами мама моя. Вон она впереди.

Тетя Валя прищурилась, выглядывая на улице Алену.

– А, ну добре! – успокоилась она, кивнула и захлопнула форточку.

– Пошли быстрее, а то она еще что-нибудь придумает. – Настена проворно отскочила от ворот и зацокала каблучками по щербатому асфальту. По колдобинам в давно не латанной дороге идти было трудновато, хотя Настену это, кажется, нисколько не смущало – она летела вперед, как миниатюрный броненосец. Катя едва поспевала следом.

В центре поселка, на площади с памятником Ленину на облупленном постаменте, их компания смешалась с такой же, шедшей по соседней улице, потом к ним присоединились еще люди, и еще. Катя никогда не видела такой толпы на улицах Прясlenia прежде. И все двигались в одну сторону – мимо парка и Дома культуры, за мост. Там, на правом берегу Юлы, людей было еще больше. Они сновали мимо тканевого шатра, мимо приготовленных для костра дров и веток, мимо сколоченной небольшой сцены, на которой сейчас подключали к генератору микрофон и усилители. То и дело по ушам бил резкий скрежет микрофонных помех. Катя

заметила несколько знакомых девчонок и ребят, помахала им рукой, но не подошла – она всегда была немного на отшибе их компаний.

Пока Алена спорила с Нелидовой, где лучше занять место, Катя обвела берег взглядом и замерла.

Неподалеку стоял высокий худощавый парень и смотрел на нее не мигая. Он чуть улыбался, но совершенно непонятно было, то ли он улыбается ей, то ли смеется над ней. Катя обратила внимание на его лицо: вытянутое, с высокими, даже острыми скулами и большим умным лбом. Оно показалось ей необычным и знакомым. Но под его пристальным взглядом она вдруг растерялась, занервничала.

– Пойдем, – она взяла Настену за руку и потащила прочь, ближе к сцене. А когда мельком оглянулась, молодого человека на прежнем месте уже не было.

Со сцены объявили начало праздника. И конечно, сначала была непременно официальная часть. Какая-то женщина в непомерном кокошнике, норовившем сползти на лоб, долго и с надрывом вещала со сцены про любовь к родной земле, про главу района Евграфова, что-то про то, как важно сохранять традиции. Потом местный ансамбль пел песню про «Гриця-молодца», и Катя заметила, что баянист на аккомпанементе уже слегка не трезв.

Катя и Настена стояли на пригорке, с которого было отлично видно и всех собравшихся на берегу, и реку с островом посередине, и мост, и парк за рекой, со стоящей там старой водонапорной башней, низкой, пузатой и с флюгером на крыше. Алена неподалеку болтала с подругами и их семьями. Тем временем сумерки стусились. Заиграла народная музыка, девушки в сарафанах собрались в хоровод и завели песню. Хоровод постепенно вовлекал в себя все новых людей, разрастаясь шире и шире. Катя и сама не заметила, как обе ее руки оказались сжаты незнакомыми ладонями, и она уже стала частью общего танца. Хоровод обвился вокруг высокой кучи валежника и дров, и в один момент этот шалаш вдруг вспыхнул, кем-то подожженный. В темное небо взвился столб света и искр, и от купальского костра полыхнуло таким жаром, что люди невольно шарахнулись назад, и хоровод распался. Но девушки в сарафанах быстро вернулись к отрепетированному действию и уже надевали на головы заранее сплетенные венки. Вдруг откуда-то появились парни в косоворотках. Они обступили костер и зажгли в нем факелы. Вместе с продолжающими петь девушками они чинно направились к реке. Любопытная толпа тоже переместилась к берегу, а Настя и Катя вернулись на свой пригорок. Они заметили, что и Алена с тетей Олей Дубко подошли поближе к ним, и теперь их разделяло всего несколько шагов.

Кате было и интересно, и смешно одновременно. Она не могла противиться густому, знойному мороку этой ночи: что-то внутри будоражилось, волновалось, помнило и о купальских кострах прошлого, и о песнях предков, слова и мелодии которых давно забыты или утратили свой смысл. Но она помнила и то, что эти девушки и парни, такие серьезные и даже одухотворенные, в этих своих народных костюмах, еще вчера лузгали семечки у бензоколонки, курили на лавочке у ДК и на полную громкость включали во дворе кассетный магнитофон.

Кто-то подошел и встал довольно близко к девушкам, слева. Катя в это время была так увлечена зрелищем, что даже не повернулась: парни с факелами расселись по лодкам и отплыли от берега. Огонь, колеблясь, отражался в воде, дрожал и плыл по волнам. А над старой водонапорной башней взмошел шербатый месяц, и лодки, плывя одна за другой, в какой-то момент оказались прямо на лунной дорожке.

Настена шепнула, что скоро вернется, и затерялась в толпе. В этот момент на сцене ведущая понизила голос, стараясь проговорить заученный текст загадочно и проникновенно.

– Издавна на Ивана Купала девушки плели венки и спрашивали про суженого. Они пускали венки по воде и гадали. Та, чей венок поплывет вдаль и скроется из глаз, будет счастлива с любимым. А вот если утонет или к берегу прибьет – плохой знак, не видать ей взаимной любви.

На середине реки лодки остановились, и девушки стали пускать по реке венки. В полутьме венков видно почти не было, только темные пятна поплыли вниз по течению, но Катю охватила дрожь, как будто она увидела что-то необъяснимое, то, что видеть не полагается. Повинуясь обряду, для современных людей превратившемуся в игру, духи прошлого восставали из пепла времен, они вились вокруг полыхающего костра, над рекой, над факелами и венками – и над всеми, кто собрался этой ночью на берегу. Катя была уверена, что она не одна чувствовала их незримое присутствие.

Слева от нее кто-то шумно вздохнул. Она повернула голову, чтобы взглянуть, и оторопела. Снова этот парень, что смотрел на нее полчаса назад. И опять она подумала, что знает его. А впрочем, она тут всех знает, по крайней мере, в лицо. Катя перевела взгляд на реку, стремясь снова увлечься представлением, но ее глаза как намагниченные тут же возвратились к незнакомцу. Он стоял в профиль, чуть ближе к реке. По его сосредоточенному, нахмуренному лицу она понимала, что он погружен в свои мысли. Его ресницы подрагивали – или так казалось в сполохах света от костра. В уголке губ покачивалась сухая соломинка, а на скулах рельефно проступали желваки – он жевал ее.

Голос ведущей вернул все на место: женщина возвестила, что теперь всем желающим можно поиграть в ручеек и поучаствовать в конкурсах у костра, а девчата и хлопцы могут уединиться в лесу, чтобы вместе искать цветок папоротника. Эта шутка была встречена всеобщим скабрезным хохотом. Катя сообразила, что праздник из официального превращается в народные гулянья, и ей надо найти мать. Тело двигалось неохотно, все еще во власти оцепенения. В это мгновение парень с соломинкой повернулся прямо к ней, будто все это время знал, что она рядом.

– Привет, мавка...

Ни тени улыбки, только в глубине прозрачных, очень светлых глаз его промелькнула какая-то искорка. Катя тут же узнала его – ну конечно, кормчий с плоскодонки, что чуть не напоролась на нее несколько дней назад.

– Привет... – пробормотала она, резко отступив на шаг.

Время провисло. Катя успела, как в замедленной съемке, увидеть с любопытством поглядывающих на них соседей, быстро приближающуюся Сойкину, Алену со странным, непонятым выражением лица, которая тоже шла к ним. И опять эти немигающие глаза, вперившиеся в ее лицо с каким-то вопросом. В следующий миг подлетела Настена.

– Видала? – Ее грудь часто вздымалась. – А ты идти не хотела! – Тут она заметила парня и бросила ему через плечо: – Кость, там тебя Женька ищет... – И снова ей: – Ты сейчас куда? Там народ собрался посидеть, нас зовут. Пойдем!

Она хотела отказаться – большие сборища ее не интересовали. Но то, что Настя знакома с этим загадочным парнем, называющим ее мавкой, не давало ей уйти прямо сейчас. Ей хотелось поговорить с ним или еще раз взглянуть на него, что-то в нем беспокоило и не отпускало ее. Уйти сейчас с берега Юлы было совершенно невозможно. Катя отпросилась у Алены. Она говорила с матерью по инерции, приводила какие-то доводы, обещала вернуться не поздно, а у самой на затылке будто вырастала еще пара глаз. Удивительно, но Алена отпустила ее без возражений.

В этом месте пологий берег уходил в луга, и наряду с главным костром то тут, то там уже загорались костерки поменьше. Из нескольких машин, припаркованных под ивами у моста и под деревьями небольшого перелеска, неслась разухабистая музыка. Она перебивала народные песни из хлипкого динамика на сцене, рядом с которой два десятка подвыпивших ткачих с фабрики играли в ручеек, хохоча и то и дело заваливаясь друг на друга и путаясь в руках. Толпа отхлынула от берега и сцены, но у девушки сложилось впечатление, что людей становится все больше. Они собирались в группы, смеялись, окликали друг друга, рядом носились взбудораженные дети, играя в догонялки. Кто-то, устроившись под деревьями, уже разливал

выпивку, женщины вытаскивали из сумок еду. Ребята уже снимали народные костюмы, оставаясь в спортивных штанах и выгоревших рубашках.

Настя вела Катю на луг. Тут мигал самый дальний костерок, вокруг него мелькали тени. Катя изо всех сил старалась рассмотреть их, и в одной тени безошибочно узнала его, парня с плоскодонки. Как назвала его Настена? Костей, кажется.

Ей захотелось стать невидимкой.

Девушки подошли. Катю тут же со всеми познакомили, тут же нашлось место на чьей-то ветровке, расстеленной на земле. Судя по веселым глазам и покрасневшимся щекам ребят, не обошлось без алкоголя. Девушкам предложили тоже – улыбчивый Маркел с видом фокусника достал откуда-то из темноты позади себя полуторалитровую *баклажку* без этикетки. Настена сразу согласилась, Катя заколебалась, но ее даже слушать не стали. Жидкость была мутная, белесая и обожгла горло. Моментально ударило в голову, стало жарко и захотелось смеяться.

Настена живо вклинилась в разговор. Обсуждали злключения какого-то общего знакомого, на прошлой неделе въехавшего на «Запорожце» в соседский забор. Катя понятия не имела, о ком идет речь, зато у нее выдалась минутка, чтобы рассмотреть всех присутствующих.

Женю она знала – та самая белокурая девушка, с которой утром они виделись в кинотеатре. Рядом с ней сидела, поджав ноги, ее неизменная спутница Надя. Утром она показалась Кате серой мышкой, но сейчас была даже миловидна, ее только чуточку портил яркий неумелый макияж. Она разложила рядом с собой пучки белого донника и иван-да-марьи, и они вместе с Женей ловко плели венки. Рядом, откинувшись на траву, полулежал Ваня, брат Жени, явно старший, такой же светловолосый, голубоглазый и ладно скроенный. Он напомнил было Леля, но, когда сплюнул через плечо смачной струей, всякое сходство со сказочным героем тут же пропало. Ваня без умолку балагурил и раскатисто хохотал, подтрунивал над Надей и Женей, и если сестра тут же вступала с ним в пикировку, то ее подруга сносила шутки молча. Коренастый круглоголовый Маркел, с живыми черными глазами и широкой улыбкой, посмеивался, то и дело ныряя в темноту и принося оттуда ветки для костра. Как он умудрялся находить их на лугу, да еще без света, оставалось загадкой, в поисках валежника все освещение сводилось к месяцу в небе и красному светлячку его прыгающей в зубах папиросы.

Прямо напротив Кати, через костер, сидели братья Венедиктовы – старший Костя и младший Степа, которого поначалу Катя даже не рассмотрела по-хорошему, ведь все ее внимание было приковано к старшему. Потом она поняла, что Степу она тоже встречала раньше, именно он сидел тогда, несколько вечеров назад, на носу лодки, которой правил Костя. У Степы были худые плечи, торчащие ключицы и острый кадык, который прыгал на горле вверх-вниз, когда паренек жадно пил теплый компот. Этим компотом ребята запивали самогон, передавая обе бутылки по кругу. Катя поначалу боялась, что Алена или кто-то из знакомых увидит ее пьющей, но вскоре эти страхи растворились в хмельной веселости.

Она через костер смотрела на Костю. Маслянистый горячий воздух между ними дрожал и плавился, и от этого Костя казался немного нереальным. Какое резкое у него лицо, без сглаженных переходов, подумала она... Как будто вытесанное резцом. Пожалуй, даже некрасивое, но приковывающее внимание. Острые скулы, из-за чего щеки выглядят впалыми, на правой – оспина, видимо, от ветрянки. Быстрая широкая улыбка. Длинные губы с сильно очерченной выемкой, отчего верхняя губа кажется вздернутой и немного вызывающей. Высокий лоб, на который падает сильно отросший каштановый локон, брови кисточками. И раскосые к вискам глаза, светлые, почти прозрачные, непонятного цвета. «Лицо инопланетянина, тщательно маскирующегося под обычных людей», – с волнением подумала Катя. Они то и дело встречались взглядом над пляшущими языками пламени, но так и не сказали друг другу ни слова. Костя вообще большей частью молчал. Иногда он улыбался вместе со всеми, а иногда невпопад, слабо и украдкой, своим мыслям.

От главного купальского костра грянула песня. Пели на украинском, что-то разнузданное, залихватское, но слов было не разобрать. Певучие, крикливые или фальшивящие голоса сливались в один густой поток звука, разносящегося над лугом и рекой.

– О, там уже прыгают через костер! – Женя даже привстала. Катя тоже обернулась. – Пойдем, посмотрим!

– По-любому решит сама скакать, – насмешливо скривил губы Ваня. – Сама решит и еще кой-кого за собой утащит. Будет у нас жареная Женька.

– А жареного Ваньки не будет? А то шашлычка захотелось! – огрызнулась она и повернулась к Косте. У нее на лице словно по щелчку рубильника пропало едкое выражение, адресованное брату, и возникло новое, предназначенное мужчине. Она проникновенно заглянула ему в глаза.

– Кость, пойдем?

– Костян, не поддавайся! – продолжал подтрунивать Ваня.

Кате вдруг стало неприятно видеть Женю и то, как она кладет свою руку на плечо Кости. Она, стараясь отвлечься, медленно повела ладонью по сухим былинкам, торчащим из земли, поглаживая их.

– Ко-ость... – протянула Женя. Катя рванула траву целой пригоршней и, спохватившись, принялась отряхивать ладони как ни в чем не бывало.

– А знаете, что через костер раньше прыгали, чтобы очиститься? В купальском костре сгорают все плохое, горе, болезни... – задумчиво пробормотал Костя, не говоря ни да, ни нет.

Женя обольстительно улыбнулась:

– Ну так тем более пойдем!

– Куда тебе идти, ты еще веночек не сплела! Сиди, женщина, – хохотнул Ваня.

– Сплела, – зыркнула она на него недобро. В доказательство слов Женя потрясла венком прямо перед лицом брата, а потом водрузила на голову. Объемный, с торчащими во все стороны веточками и листиками веночек в сумраке напоминал птичье гнездо, венчающее кудри, залитые лаком с блестками. Девушка поправила прическу и вытащила из нее несколько шпильек, бросив их на подол юбки. Шпильки с жемчужинками, те самые, что Женя отговорила покупать Сойкину. Судя по тому, как вытянулось лицо самой Настены, она тоже их заметила.

– Как я вам? – покрутила Женя головой, красуясь в венке.

– Ты же говорила, что бусинки облезут через неделю, а сама купила... – вполголоса заметила Катя.

Женя сощурилась, оглядев Катю с головы до ног, и пожала плечиками:

– А мне что? Подумаешь! Зато красивые. А облезут – я еще куплю.

Катя не нашла, что ответить.

– Ну что, пойдем? – Костя вдруг пружинисто встал.

Женя обрадованно вскочила на ноги:

– Пойдем!

– Я имею в виду, может, нам всем двинуть отсюда? В парке посидим. А то Маркелу придется скоро дрова из самой Лисановки таскать...

Все засмеялись, Маркел широко улыбнулся. И правда, парень почти уже и не сидел у костра, он отлучался за растопкой все чаще и отсутствовал все дольше.

Решили сворачиваться. Пока Костя с баклажкой ходил к реке набрать воды, Маркел разворошил угли, разбивая самые большие из них, рассыпая вокруг красные брызги искр. Потом он отбросил палку в сторону и закурил, сел на корточки и с хитрецей глянул на Катю. Оглянулся куда-то за себя и вдруг хлопнул ладонью по земле.

– Глянь, глянь, поймал! – Он проглатывал первый звук, и получалось – «лянь, лянь».

Девчонки наострили уши.

– Кого?

– Да цикаду!

Он протянул тщательно сжатый кулак им. Женя и Надя, стоявшие ближе всего, разом отпрыгнули.

– Фу! – поджала губы Женя. – Маркел, ты опять...

– Покажи! – Катя подошла ближе, прислушавшись. – Это ж они стрекочут?

И цикады вдруг разом запели в темноте. Как будто этот звук кто-то только что включил, прибавил громкости. Такой привычный шум жаркой летней ночи, на который не обращаешь внимания, как в городе не обращаешь внимания на гул большой дороги.

Маркел смотрел на Катю. Черный плутовской взгляд.

– Не боишься? Они кусаются, больно...

– Да ладно, не гони, – встрял вдруг Степа. Он встал, пошатнулся, и стало заметно, как его развезло от жары и выпитого с непривычки. – Я таких сто раз ловил. Покажь!

Катя терпеливо ждала, поглядывая на кулак Маркела. Тот опасливо, медленно приблизил к ней ладонь, ожидая, когда та отшатнется, но девушка не двигалась. Она, кажется, раскусила его игру и уже улыбалась.

– Бу! – Ладонь парня резко метнулась к ней и раскрылась. Катя не дернулась, и правильно – в руке было пусто. Просто крепкая широкая ладонь с грязно-серыми мозолями у каждой фаланги и основания каждого короткого пальца.

Девушки захихикали. Катя покачала головой:

– Подколол?

– В Москве-то, поди, нету никаких цикад, да? Там же вообще никого не водится...

– Только мы, – усмехнулась Катя в ответ.

Костя вернулся и поливал угли водой, от них с шипением валил пар. Катя хотела заговорить с ним, поэтому снова обернулась к Маркелу.

– У тебя такие мозоли... Жуть.

Маркел хохотнул:

– А то. Три дня косил.

Костя понимающе присвистнул.

– Я батю говорю, куда столько? – вдохновился Маркел. – Корова сдохнет столько жрать. А он мне – «нехай буде больше!». Куда больше, кому больше... У меня уже спина трескается, а он мне – «еще давай, мало робишь!». Я уж думаю, хоть бы дождь ливанул, что ли, пускай все сгниет к чертям – чем так пахать...

– Ага, у нас тетя то же самое, – подхватил Степа горячо. – Да, Костян?

– Такое уж поколение. Они после войны голод помнят... – отозвался тот. – Тетя Маня нас до сих пор кусками сахара угощает. У них-то сахар в дефиците был, она его в детстве годами не видела.

– У меня батя вообще бешеный, – покачал головой Маркел. – Приезжаем как-то на буряки, полоть. Он мне говорит, ну, говорит, вон до того места сделаем сегодня, и все. Я как проклятый давай лопатить. Думаю, сейчас по-быстрому все сделаю, и гулять. Сделал, а он мне – солнце еще высоко, давай столько же. Да е-мое, солнце ему высоко!

И Маркел от полноты чувств цыкнул сквозь зубы коротким плевком.

– Ага. А картоха что, тоже дефицит? – заплетающимся языком зачастил Степа. – Сажает столько... Мы ж всей семьей ее три дня копаем! За зиму не съесть. Говорит, главное, шо в погребке лежит, а съедим не съедим – дело десятое.

Ваня и Женя весело переглядывались. Они не делились своими тяготами. Катя сообразила, что у этой семьи таких проблем просто нет.

– Ох, Степка... Уработался прямо. Ну так едим же, – вдруг нахмурился Костя, перехватив Катин взгляд. – И скотине перепадает.

– Ага, это ты два года в армии, а я все это время тут вкалывал, на огороде, на покосе, на картошке, на буряках...

– А в армии, ты думаешь, кровать сгущенкой намазана?

Все засмеялись, а Степа сник, и его уши малиново вспыхнули. Костя хлопнул его по плечу:

– Так, малому больше не наливать. Ты пьяный уже, что ли?

Степа покосился на Катю:

– Ниче я не пьяный, отстань! – и побрел к мосту. Остальные, посмеиваясь, двинулись за ним.

– Зато потом, после покоса, сесть в тенечке, картошечки с салом навернуть, с огурчиком, ммм! Руки трясутся, так что хлебом в рот не попадаешь, спина ноет, хорошо... – И Маркел подмигнул Кате. – Горожанке не понять, да?

– Ай, да ладно тебе! Думаешь, я на огороде только загаром покрываюсь? – подхватила Катя его игривый тон и, сама себе удивляясь, подмигнула ему в ответ.

Через луг они вернулись на берег. Блатная песня уже мешалась с попсой, девичьи голоса нестройно пели под Буланову, включенную в магнитоле «жигуленка». На самом берегу устроились давешние ткачихи, сев кружком вокруг баяниста, который наяничал что-то, путаясь в пальцах и клавишах. Кто-то из баб с визгом плясал, уперев руки в боки и подмахивая себе платочком на манер калинки-малинки.

Через догорающий купальский костер прыгали самые смелые и самые пьяные. Хохот несся вперемешку с крепким матом. Какая-то девчушка чуть помладше Кати утирала слезы и громко жаловалась подругам:

– Ну шо я мамке скажу? Это ж мои единственные были. Ай, больно! Правая совсем расплавилась...

– Я ж тебе говорила, не допрыгнешь! Еще и ногу обожгла...

– Да нога-то ладно, заживет. А вот босоножки жа-алко... – сокрушались подружки.

От воды слышался всплеск и женские голоса. Кто-то явно решил не только скакать через костер, но и купаться в реке.

– Сашка, да сымай ты трусы, давай прям так! – громко советовали кому-то.

Катя не смогла сдержать смеха и обернулась, ища глазами Костю, чтобы увидеть его улыбку в ответ. Но он немного отстал, специально замедлив шаг. Другие этого не заметили. Катя, стараясь не привлекать к себе внимания, украдкой проследила за Костей и увидела, что тот подошел к главному купальскому костру, быстро метнул в него что-то, тряпку или пакет, и тут же прибавил шагу, догоняя остальных. Поравнявшись с Катей, он мельком взглянул на нее и сильно смутился.

Вскоре они взошли на мост. Хотя его построили уже лет двадцать назад, в поселке его еще звали новым, а от старого, в полукилометре ниже по течению, остались только торчащие из воды сваи – как-то в половодье его снесло. Катя помнила, что бабушка часто вспоминала, как почти год они перебирались на другой берег только на лодке или вплавь, а продукты завозили, делая крюк в сорок километров через мост в соседнем районе. Новый мост был высоким, широким, под триста метров в длину и одним концом упирался в указатель «Пряслень», а другим во временный – как все надеялись – блокпост, поставленный года полтора назад, вскоре после начала кавказской войны. До Кавказа отсюда было недалеко, но до границы с Украиной по прямой – меньше десяти километров, а приграничная зона в эти месяцы слыла местом беспокойным.

На середине моста Женя забежала чуть вперед и остановилась, свесилась через перила.

– Эй-эй, Жень, давай-ка поаккуратнее, – предостерег ее Костя.

– Ты за меня волнуешься? – захлопала она ресницами. – Не переживай, я только вот что...

Она уже стягивала с головы венки. Веточки спутались с волосами, и девушка в нетерпении подергала прядь.

– Подожди, дай помогу, – Настена протянула руку, но Женя упрямо закусил губу и все же сорвала венок. По асфальту что-то зазвенело, но она проигнорировала это и, размахнувшись, кинула венок с моста. Все проследили дугу, по которой он перелетел через парапет и спикировал вниз. Раздался тихий всплеск. Надя радостно захлопала в ладоши, потом сорвала с головы свой и тоже запустила в реку. Женя, снова перегнувшись через перила, вглядывалась в полутьму. В свете месяца было видно и серебристую гладь воды, и плывущий по ней Женин венок, а следом за ним Надин.

– Ну все, обязательную программу откатали, – хохотнул Ваня.

– Вот ты дурак... – фыркнула Женя и стрельнула глазами на Костю. А того, казалось, ничуть не занимала девчачья забава. Сунув руки в карманы штанов, он легко покачивался из стороны в сторону в такт долетающей с луга музыке и думал о своем. Отрешенный, чересчур взрослый и скучающий.

– Ну что, пойдем? – предложил он, и Кате в его голосе почудилось неудовольствие.

– Сейчас, сейчас пойдем! – Женя вновь посмотрела на уплывающий венок. Катя тоже не спускала с него глаз. И увидела этот самый момент, когда на середине реки венок вдруг закрутился, подхваченный водоворотом, и нырнул в глубину.

– Нет, нет, нет, эй! – закричала Женя. – Всплывай!

Она в отчаянии заколотила рукой по перилам, но тщетно – венок больше не показывался.

– Омут. Не злись, сестренка, – цокнул языком Ваня.

– Ой-ей-ей, сейчас и мой туда попадет, – расстроилась Надя. Ребята следили за плаванием венка, живо вспомнив детские кораблики, пущенные по весенним ручьям к неведомым морям. Надя зря боялась: ее венок легко закружился в водовороте, также легко выскользнул из него и понесся дальше, подхваченный быстрым течением. Какое-то время его было видно в дорожке лунного света, потом он пропал в темноте.

– Ладно, это все такие предрассудки, – вздохнула Женя. – Двадцать первый век на носу, а мы все дурью маемся!

– Ну Жень, мы же это так просто, для смеху, – пожала плечами Надя. Но на дне ее глаз таилось торжество. Женя хмыкнула и, шагнув к Косте, взяла его под руку.

– Ладно, двигаем дальше.

Настена нагнулась и подобрала что-то с асфальта.

– Жень, ты уронила.

– Господи, еще и эти!.. – раздраженно зашипела Женя и, схватив протянутую Сойкиной шпильку, с силой швырнула ее в реку.

У парка, уже на другом берегу, оставив позади и мост, и блокпост с бетонным заграждением, компания остановилась. Решали, куда пойти – можно было на трибуны, на стадион, что на краю парка, или вообще на пляж, к старой водонапорной башне и купальне, а можно было бродить по ночному поселку и искать приключений. Решили второе и двинулись гурьбой. Фонари не горели, окна уже были потушены, но навстречу то и дело попадались люди. Они узнавали друг друга по голосам, кому-то парни жали руки, кто-то даже делился выпивкой. Кате хватило выпитого на берегу, голова казалась ватной и горячей.

В фабричном парке Степе стало плохо, и его долго выворачивало в кустах сирени под громкие шуточки Вани, несмотря на то, что Женя, беспокойно оглядываясь на Костю, уговаривала брата отойти за угол и дожидаться Степу там. Переживала она зря – Костя оставался невозмутимым.

– Живой? – только и спросил он брата по возвращении и, получив утвердительный ответ, переключился на рассказ Маркела о последней поездке в город. Улучив момент, когда все слушали Маркела, Степа приблизился к Кате.

– Кать... Ты не думай, я не всегда такой, – стыдливо пробормотал парнишка.

– Степ, что за глупости? – удивилась Катя. – Ничего страшного же... И при чем тут я?

– Нет, ты не понимаешь, – язык у него все еще заплетался. – Просто это случайно вышло. Ты не обращай внимания, что я так... Ну, хорошо? Скажи, хорошо?

– Хорошо, – с улыбкой согласилась девушка. Степа посмотрел на нее грустно и тяжело, вздохнул и отошел.

Катю теперь занимала совсем другая проблема. Аленины босоножки все сильнее терли. На левой ноге – Катя почти видела это – стремительно наливается волдырь, и с каждым шагом становилось все больнее. Вдобавок к этому каблук шатались, попадая в асфальтовые выбоины, а между пальцев впивались песчинки. Она понимала, что долго так не протянет, и вскоре надо будет возвратиться домой. Но больше всего на свете ей хотелось остаться.

– А знаете примету? – вспомнил Костя на углу улицы 8 Марта и Горького. – Если на Иванов день перелезть через заборы двенадцати огородов, любое желание исполнится.

– О-о! Прикол! Тут один огород есть, – радостно начал Ваня. – Вот там, третий справа. Там яблоки чумовые растут! Маркел, помнишь, мы в девятом классе лазили?

– Это когда Калмык летнюю практику сорвал?

– Да, да, точно!

– Да, яблоки там что надо, – подтвердил Маркел.

– Ну так что, погнались? – Ваня уже настороженно оглядывал улицу. – Вроде никого!

Он без лишних раздумий направился в сторону заветного огорода. Костя и Маркел весело переглянулись и двинулись следом, за ними без особого энтузиазма увязался Степа.

– Вы что, серьезно? Эй, народ! – окликнула их Женя. Парни обернулись. Ваня театрально приложил палец к губам. – Вы совсем уже, что ли? Детский сад, вторая четверть? – Женя злилась. Видно было, что и Сойкина с Надей не в восторге от этой идеи. А вот у Кати внутри что-то уже зудело и подсмеивалось, и от этого становилось и страшно, и весело. Она закусил губу, подняла голову и наткнулась на взгляд Кости. Они по-прежнему не говорили друг другу ничего, за целый вечер ни слова, но сейчас, в этот самый момент их глаза организовали заговор, заключили пакт, и Катя улыбнулась, понимая, что выдала ему себя с головой.

– Ну если вы совсем без мозгов, – продолжала Женя, – то давайте лезьте. А мы тут постоим, посмотрим.

– Будете на стреме! – подвел итог Ваня. Женя надула губы и зыркнула на него с раздражением. Она еще не видела, что Катя отходит к кусту репейника у обочины и скидывает под его листья свои босоножки. О, это было блаженство, стоять в мягкой, как мука, пыли, на еще не остывшем асфальте, и шевелить пальцами.

– Я готова! – Она прикрыла босоножки лопухами и в три прыжка догнала Костю, Маркела и Ваню. Надо было видеть лица девчонок в эту секунду. Надя и Сойкина, озадаченные, все же покачали головами:

– Нет, я в юбке не полезу.

– Я тоже.

Женя оценивала ситуацию. Наконец она милостиво улыбнулась и подошла к Косте.

– Хорошо, вместе так вместе!

Ваня оглядел обеих девчонок скептически, но предпочел не комментировать. Вшестером они побежали к забору, за которым росли вожделенные яблоки. Степа припал к щели между досками, выглядывая обстановку во дворе, Костя и Маркел одним махом сиганули через забор. Оттуда раздался шепот:

– Чисто, давайте сюда!

Степа наклонился к Кате, шепнул:

– Помочь?

Она покачала головой. Забор был невысокий, с удобным уступом. Перелезть проще простого. Она подхватила подол сарафана, сжала его в кулаке, поставила ногу на уступ, подтянулась, перекинула ногу – и села сверху на забор. Мгновение, и она уже спрыгнула по ту сторону, в темном дворе. Следом за ней перемахнул Степа, а Ваня с Женей замешкались, шепотом припавшись.

Маркел кивнул на проход между хатой и сараем в сад и первым шагнул в тень. Катя оглянулась на забор и заметила уже высунувшиеся над ним головы Жени и Вани, но тут позади раздался оглушительный звон перевернувшегося ведра и тихое чертыхание Маркела. Катя от ужаса приросла к месту.

Костя, не теряясь, протянул руку и сорвал с бельевой веревки сушившееся там темное покрывало.

В хате загорелся свет. Костя тут же накинул на плечи Кате покрывало, и оно полностью скрыло ее белеющий сарафан. Видно, он продумал такую возможность загодя. Все вчетвером ребята медленно пятились, отступая к саду: чтобы вернуться на улицу, нужно было пройти мимо крыльца, этот путь не годился больше – вот-вот выскочит хозяин.

И точно – торопливые шаги по сеним, дверь хаты распахнулась.

– Это там кто? – задребезжал стариковский голос. – Я сейчас милицию вызову!

Костя мгновенно дернул Катю к себе, и они вместе присели у куста смородины. Маркел метнулся к яблоне, а Степа наполовину скрылся за большой садовой тачкой. Они замерли и слились с тенями в саду. Но тут случилось непредвиденное – над крыльцом вспыхнула лампочка. Она залила желтым светом и двор, и половину сада, и ребята оказались как на ладони.

– Ах же ж стервецы! Окаянные! А вона я вам сейчас покажу! – заголосил дед. – Щас стрелять буду!

Степа сорвался с места первым, куда-то вправо, длинными большими прыжками. Катя торопливо высвобождалась из бесполезного теперь покрывала.

– Сюда! – Костя дернул Катю за руку, и они поскакали влево, петляя между грядок. Кате казалось, что они превратились в зайцев, по крайней мере, точно так же хотелось трусливо осесть на корточки и прижать длинные уши. Но горячая рука Кости сжимала ее ладонь, тянула вперед, и они неслись к краю огорода и соседскому забору.

Тут грохнул выстрел. Это было так громко и так неожиданно, что девушка чуть не упала – ноги от страха подкосились. Сердце готово было разорваться, больно вколачиваясь в ребра.

– Он нас убьет! – пискнула она.

– Это соль, – на бегу бросил Костя, крепко держа ее. Они благополучно добежали до низенького забора и, не притормаживая, перескочили его. Здесь сразу начались плодовые деревья, но белое Катино платье было слишком хорошо видно в темноте, и они припустили дальше. Только когда весь этот огород и еще один забор оказались позади, ребята в изнеможении повалились в траву.

Принцип деления земли в Пряслене был такой же, как и везде: вдоль улицы в ряд шли хаты с дворами, а на задах тянулись разделенные оградами, а иногда и просто межой, узкие вытянутые прямоугольники огородов. Судя по всему, этот был ничейный, заросший травой по пояс. Упав в нее, Катя и Костя оказались скрытыми ото всех.

Месяц, худо-бедно освещавший все вокруг, нырнул за быстро и высоко бегущие тучи, и стало совсем темно, как в гудроне. И все, что Катя чувствовала, кроме отчаянно заходящегося от стука сердца, это ладонь Кости, все так же сжимающая ее ладонь.

– Он стрелял по нам... – ошеломленно бормотала Катя. – Стрелял!

– Солью, он стрелял солью.

– Откуда ты знаешь?

– Ну... Я тут живу. Так что я знаю. – В кромешной темноте по голосу Кости было слышно, что он улыбается.

– Я так испугалась... – призналась она.

– Ну что ты... Разве ты такая уж *боягузка*²? – вдруг пробормотал он почти нежно.

Катя осторожно высвободила руку. Луна выплыла из-за тучи и осияла небо.

– Надо наших найти.

– Эй, – послышался чей-то шепот неподалеку. – Вы где?

– Маркел, ты?

– Ну а кто? – Маркел раздвинул бурьян и бухнулся рядом. – Фух! Вот это мы дали стрелкача! Ляньте, у меня вон что...

Он с гордостью подкинул и поймал маленькое зеленое яблочко. Громко укусил его, пожевал с мечтательным видом.

– Кислятина, – и запустил яблоком в кусты.

– Ты сегодня спец по ведрам, а не по яблокам, – усмехнулся Костя. – Как ты в него влетел?

– А я знаю? Вообще не видел ведро это чертово! Понаставили... А дедок-то бойкий. Годы идут, а он все с ружейки своей шмалает.

Катя не поверила своим ушам.

– Так это он что, не впервые?

– Какой там! – махнул Маркел рукой. – Раз три он точно за нами гонялся, стрелял. Один раз Кольке Серому по заднице попал. Ну это ж соль. Больно и обидно.

И Маркел зычно заржал.

– Тихо ты! – цыкнул на него Костя.

– Да ладно, не бойсь, не пойдет он сюда. Спать уже ушел.

– Тогда надо возвращаться? – уточнила Катя с опаской. Маркел смотрел весело.

– А двенадцать заборов, все дела, забыла?

Катя вопросительно взглянула на Костю. Тот уже нашел какую-то соломинку и деловито покусывал ее.

– А как же наши? – нерешительно спросила девушка.

– А что наши... Наши там, где мы.

Катя поднялась на ноги, парни тут же подскочили.

– В твоём платье только по заборам лазать... – хмыкнул Маркел, чиркая спичкой и подкуривая папиросу.

– Да, неудобно, – кивнула она.

– Да хрен с ним с «неудобно»! Видно! Видать тебя за версту, принцесса!

Он был прав. Белоснежный сарафан сиял даже в крошечной тьме, в нем она была похожа на призрака. Но кто ж знал, что вечер продолжится на задах чьих-то садов.

Они, конечно, продолжили свой променад. Втроем. Костя помалкивал, Маркел травил байки, Катя смеялась, зажимая рот рукой. Ей было весело, ей нравился этот крепенький молодой мужичок-с-ноготок, невысокий, даже ниже ее ростом, широкоплечий, смешливый, с глазами, напоминающими беспокойных черных жуков. Но какая-то часть ее души, глубоко запрятанная, дальняя, страстно желала, чтобы Маркела здесь не было.

Они пересекали огород за огородом. Где-то достаточно было перешагнуть межу, где-то перепрыгнуть плетень из лозы, но попадались и настоящие заборы, деревянные, давно не крашенные. Неудачно спрыгнув с одного из них, Костя ухнул напрямик в заросли крапивы, и Маркел чуть не помер со смеху, потешаясь над ним и хлопая себя по коленям. Босая Катя ощущала и тепло сухой земли, и влагу политой, и шершавые лопухи кабачков с сочными стеблями, за которые иногда запиналась. Она старательно обходила грядки, чтобы не затоптать чего ненароком, но все же один раз оступилась. Терпко запахло томатными плетями, под пальцами

² *Боягузка* (южнорус.) – трусиха.

что-то мягко лопнуло, и ступня поползла на скользкой спелой мякоти. Девушка отдернула ногу и украдкой отерла ее об траву.

– У тебя руки еще не болят? Я себе столько *скапок* позагонял, – потер ладони Костя, прыгнув с очередного дерябого забора и помогая спуститься Кате.

– Скапки – это что? – не поняла она.

– Ну... под кожу забиваются которые, и больно, – пояснил Костя.

Маркел хохотнул:

– Занозы, грамотей!

У Кати на душе потеплело, словно это была не простая вежливость, а что-то еще.

Они прошли огород до середины, и тут от сарая донеслось негромкое сонное гавканье.

– Ну что за непруха... – застонал Маркел.

– Она на привязи, наверное... – заключил Костя осторожно, вглядываясь в темное пятно у сарая. Оттуда раздался рык, и вдруг пятно быстро устремилось к ним. – Или нет!

Маркел метнулся к забору, который только недавно перелез, а Костя, снова схватив Катю за руку, бросился в другую сторону. Собака устремилась за Маркелом, и тот в мгновение ока взлетел на забор. Пес залился громким сердитым лаем.

Катя уже понимала, что они сглупили – с этой стороны ограда была из высокой сетки рабицы, закрепленной на толстых ржавых столбах. Перелезть через такую, да еще в сарафане, почти невозможно, а собака скоро сообразит, что непрошенные гости остались на ее территории. Бурное воображение живо нарисовало перспективу быть разорванной, но тут Костя упал на колени и начал шарить по сетке руками.

– Сюда! – Он отогнул угол сетки от столба, и Катя тут же юркнула в образовавшуюся дыру. Оказавшись на другой стороне, он опустил сетку и зацепил ее скобой.

На Катю напал смех. Началось с хихиканья, но оно все усиливалось, и вот уже Катя опустилась на корточки, корчась и задыхаясь от беззвучного хохота. Из ее глаз текли слезы.

– Ой не могу! – успевала выдать она и снова сгибалась пополам. – Ой не могу!

Костя терпеливо молчал, улыбаясь краешком губ. Он не пытался успокоить ее, привести в чувство – просто выжидал. Когда она отсмеялась, он протянул ей несколько вишен с растущего рядом дерева. Катя, вытирая слезы, взяла одну и попыталась отдышаться.

– Я не думала, что так бывает, – призналась она. – Это все как будто не со мной.

– А обычно ты не таскаешься по чужим огородам? – уточнил Костя.

– Обычно – нет, – подтвердила она и огляделась. – Откуда ты знал про сетку? Что ее можно отогнуть? Ты уже лазил сюда?

Костя замялся:

– Ну... Вообще-то это я ставил забор.

– То есть? Тебя наняли поставить забор, и ты схалтурил? – снова развеселилась Катя.

– Нет, почему сразу нанял? Это мой забор. И огород мой.

– А...

Катя огляделась внимательнее. Этот огород ничем не отличался от всех остальных, такой же аккуратный, с большой грядой кабачков и тыкв, несколькими плодовыми деревьями, рядами подвязанных на колышки помидоров и огурцов и небольшим полем окученной картошки. Но для нее огород стал особенным, как только Костя назвал его своим. И даже вишня показалась слаще.

– Так ты знал, что там собака? – Она кивнула на соседский участок.

– Обычно она сидит на цепи.

Они оба замолчали. Катя развела руками:

– Так что, мы... расходимся по домам?

– А ты хочешь? – и не дожидаясь ответа, продолжил: – Скоро наверняка Степка притащится. Так что можем идти дальше, пока... его еще нет. Ночь еще не закончилась. Восемь заборов позади. Так что осталось всего четыре.

– Ты считаешь? – искренне изумилась Катя. Все это забавляло ее. – Это все так странно. Ну кто сейчас верит в приметы? Ан нет: ты сказал про эти двенадцать заборов, и все тут же ломанулись...

– Я знал, что мы полезем, такой был у меня план, – Костя почесал руку, которую все еще жгло от крапивы. – Ванька все время талдычит про этот огород со сладкими яблоками, и как они с Маркелом туда залезли в девятом классе.

– И ты специально сказал это неподалеку! – ахнула Катя.

– Ванька подпил. Он и так безбашенный, а после этого дела... – Костя выразительно щелкнул себя по горлу. – Странно другое – никто и не вспомнил, что сейчас еще рано для яблок. Это было слабое место в моей идее, но все удалось!

Она все еще не уяснила его главную цель.

– А я просто хотел узнать, полезешь ты с нами или нет, – добавил он.

Такого признания она не ожидала. Это что, получается, он думал о ней, когда затевал все это? Так, может, их побег от остальных тоже заранее спланирован?

– А если бы я не полезла? – осторожно спросила она.

– Ты полезла.

И сразу все стало просто, легко и ясно. Так ясно, что и обсуждать это было незачем.

В молчании они дошли до края огорода.

– Здесь удобней всего, – хлопнул Костя по прибитым перекладам и перелез первым. Катя взобралась следом, втайне удивляясь, как быстро она наловчилась. Костя уже спрыгнул на землю и, когда она спрыгивала, протянул обе руки и поймал ее за талию. Их обоих качнуло, и Катя оказалась в его объятиях, близко-близко. Она почувствовала его прерывистое дыхание. На миг он показался ей таким большим, что она почти испугалась. Но его руки тут же разжались и выпустили ее.

– Ты... – Катя с трудом искала, что сказать или спросить, и выпалила первое, что пришло на ум: – Что ты кинул в костер? Там, на лугу, где праздник...

– Все-таки заметила... – кивнул Костя. Он снова смутился, сорвал травинку и сунул в рот. – Это опять примета. Ты, наверное, думаешь, что я как суеверная баба.

Катя терпеливо дожидалась ответа.

– Ну хорошо. Мама в последнее время плохо себя чувствует. Она, конечно, виду не подает, знаешь, какие у нас женщины, до последнего будут хорохориться. Но я-то вижу, что приболела. Я на шабашках подзаработал, ей ночнушку новую купил. В город смотался и купил. А старую забрал и вот, сжег.

– Ты поэтому говорил, что в купальском костре все плохое сгорает?

– Болезни, беды... Так народ считает. Только не думай, что...

– Да ничего я не думаю, – с жаром перебила его Катя. – Наоборот, молодец! У мамы теперь новая вещь, в любом случае хорошо. А если еще и выздоровеет...

Костя кивнул:

– Вот и я так решил. Хуже-то не будет, верно?

– Приметы родились вперед нас, – согласилась она. – Вот я вроде не верю ни в черную кошку, ни в тринадцатое число. А когда ложка падает, знаю, что...

– Что скоро придет какая-то женщина, и стучишь по дереву, – закончил за нее Костя, и они переглянулись с пониманием.

Оставшиеся три забора ребята миновали без приключений и спустились к реке. Ночь была тихая, теплая, в кустах дурноклена заливались соловьи, перемежая пение трескучим щебетом. На песке кто-то оставил кострище, среди пепла еще дрожал серо-красный жар и

тени. Рядом блестела влажным горлышком пивная бутылка. Мимо торчащих из воды свай старого моста, вязко журча, текла река. Мощенная булыжником дорога, что раньше вела на мост, теперь уходила в воду.

– Смотри, – кивнула Катя на мостовую, – кажется, что дорога сделана не для нас, а для каких-то водяных жителей, чтобы им удобнее из Юлы выходить было.

– Тебе видней, – усмехнулся Костя.

– Почему это?

– Ты у нас мавка, не я.

– Почему ты меня так называешь? Я похожа на злой дух, утаскивающий кого-то под воду? Или я просто выгляжу как утопленница?

– Ты вынырнула прямо перед моей лодкой. Кем еще мне тебя считать? – Его улыбка была такая же резкая, как и все лицо. – А сегодня? Эти волосы твои, выются, сарафан... Ты на огородах как привидение. Надо вернуться, дедка того с ружьем проверить, а то он мог и преставиться от такого явления.

Катя собралась насупиться, но вместо этого хихикнула, не сдержавшись.

– А еще у мавок спина прозрачная, – вспомнил Костя ни с того ни с сего.

– А, ну да, сходство полное, – иронично закивала девушка.

– На Ивана Купалу вся водяная нечисть выходит на берег. Но костры защищают людей. Так что я тебя не боюсь, ты прими к сведению. А если серьезно... Это хорошо, что администрация захотела выделиться. Ну, в смысле, праздник такой устроить. До перестройки все потихому праздновали, междусобойчиками. А по-хорошему народ должен помнить свои традиции.

– Их и так помнят. Песен вон сколько пели сегодня, – вспомнила Катя. – Я столько никогда не слышала в одном месте. Прямо народный концерт...

– Эти песни... – Костя вздохнул. Он вдруг разволновался, голос стал требовательным. – Они сейчас просто звуки, понимаешь? Их по пьяни поют, да и все! Еще и шансончиком перемежают. А раньше... Ты когда-нибудь думала, как они возникали? Как рождаются вообще народные песни? Наши, и украинские, и, я не знаю, болгарские, да хоть английские! Я не знаю, что они там растят, как вообще живут сельские жители там... Но ведь живут же! И земледельцы, и мастеровые какие-то, не все ж там небоскребы... Я хочу сказать, что это тяжелый труд – жить на земле. Наверное, самый тяжелый в мире.

– Ну, не скажи. А на заводе? А в шахте...

– Ну... Заводы разные бывают. Если гравий на транспортерную ленту кидать, то конечно. И шахты... Но все равно сельский труд – это ад. Декорации красивые... – он обвел рукой простирающийся пейзаж. – Но ад. Земля эта жирная, черная... Или сухая, как пыль, да еще с коркой сверху. Лопату на штык не воткнуть. Ее надо обрабатывать все время, каждый день, с утра до ночи. А если засуха, или все вымокло и сгнило на корню, или саранча поела, жуки... Рехнуться можно. В этих песнях все неприкрытое, понимаешь? На разрыв. Когда работать уже не вмоготу. Ты же слышала Маркела... Когда солнце печет, пот льет в глаза, так, что щиплет, и руки ноют, и спина – в наклон же приходится работать... Каждый суставчик горит огнем, а до конца еще ох как неблизко! И они пели. Это мы уже так весело приплясываем: косил Ясь конюшину, поглядел он на дивчину! А на самом деле ты себе представь только: конюшина – это клевер. Ясь, значит, косит клевер, а «дивчина жито жала», то есть рожь, по-нашему. И что, думаешь, до переглядок им было? Другое дело, что человек ко всему привыкнуть может... И народные песни, настоящие, они для того, чтобы прям тут, посередине поля, не завалиться и копыта не отбросить. Их поют, когда уже нет слов.

Он подпер рукой голову и удрученно замолк. Катя думала о сказанном, поражаясь, что такие мысли вообще посещают ее знакомого. Она не была согласна с ним во всем, но... Костя спохватился.

– Я все болтаю. С тобой так просто говорить о чем думается, – признался он застенчиво. – Просто мне не все равно! Я тут родился, это моя земля. Бывало всякое, но сейчас хуже всего. Все развалилось. Зарплату матушке на заводе пятый месяц задерживают. Разговорали уже все что можно. А пару лет назад вообще было тяжело, денег не было ни у кого в поселке, даже у Астапенко. Деньги-то бог с ними, и так протянем, картошки выкопаем – с голоду не помрем. Дело-то не в деньгах... А вот тут, – он постучал пальцем по лбу. – Как этот мост: старый вроде уже смыло, а новый когда еще построят... А, ладно, не бери в голову! Что-то меня занесло.

Он махнул рукой и даже подмигнул, но Катя видела, что сейчас прорвалось то важное и настоящее, что было у него на душе.

– Да нет, мне интересно знать, что ты думаешь, – подбодрила она его.

– Я много чего думаю. Это неинтересно. Но я всего лишь парень из Пряслена, а эта земля знала и других людей, древних воинственных скифов, сарматов... Боюсь, куда более достойных, чем мы... Тогда тоже были путешественники... По берегам жили племена земледельцев, но и в этих племенах находились те, кто стремился узнать, что же там, за горизонтом, какая жизнь, такая непохожая на тяготы их родного селища, идет там, за лесами. Эта река видела настоящие корабли...

Говоря это вполголоса, он вытянул ноги и откинулся на песок, глядя в небо. Вокруг уже светало, месяц уплыл за реку и качался у дальнего леса. Лицо Кости, чуть сглаженное пред-рассветным сумраком, приобрело мечтательное выражение. И даже речь его изменилась, как будто он вслух зачитывал книгу-невидимку.

– Она была полноводная, широкая и оживленная, эта река, по ней купцы попадали в Десну и Днепр, а вместе с ними увязывались и те, кто хотел странствовать. Крепкие деревянные ладьи, просмоленные, расписные, с задранными вверх носами, вспенивали на рассветах и закатах гладь воды, у которой еще не было этого имени – Юла. В их трюмах тускло поблескивали меха, шелестело зерно, линияли от речной влаги ткани, созданные укутать собой тела самых невероятных красавиц и алтари самых суровых богов. На них плыли хмурые бородачи в грубых многослойных одеждах, богатые купцы и нищие странники, которым нечего было терять и ничто нигде не держало.

Однажды здесь появился и этот мужчина издалека. При нем был его меч – единственная драгоценность, друг, спутник и защитник. Не раз меч спасал его от коварного удара злобного кочевника или алчного проходимца. Воин немало повидал на своем веку, но неведомые земли все равно манили и обещали большее. А у него было все, что требовали эти земли взамен, – отвага, сила, терпение. Днем он был воином, огромным и бесстрашным, и не раз доказывал свою храбрость в бою. Но по ночам, когда звезды тонули в речной воде, с него спадала эта маска. Всего лишь мужчина – вот кем он был на самом деле. И звезды, и соловьиные трели тревожили его влюбленное сердце. По ночам оно ныло и не хотело странствовать, его тянуло туда, где черноволосая дева после долгого дня, полного тяжелой работы, расчесывала и сплетала свои косы и наигрывала на флейте из лебединой кости простую, но трогательную мелодию. Она не пела – песня могла бы выдать ее думы родным и соседям. Но флейта, подаренная ей самым прекрасным воином на свете, касалась ее губ, и ей чудилось, что это ее воин целует их. А ему эту мелодию напевал ветер. И вся его душа стремилась обратно, туда, где дом и она.

Путешествие подходило к концу, на растущей луне он собирался вернуться и все чаще радостно думал об этом. Он вспоминал родные места, сидя на корме и перекидываясь словами с земляком, который отправился странствовать вместе с ним. Здесь, на реке, где встречались разные люди, говорящие на разных наречиях, поговорить с земляком было особенно приятно. Но и ему воин не рассказывал о самом сокровенном образе, являвшемся во снах. Пока не наступил тот самый день. Воина не мучили предчувствия, не являлись предзнаменования. Когда ладья пристала к высокому берегу, он выбрался и зашагал в лес, дыша ароматами диких трав. И не заметил, что нога его ступает на камень, на котором пригласил змея. Один

миг – и все было решено. Он, хромая и превозмогая огонь, растекающийся по венам, добрался до ладьи, но ни его спутники, ни знахарь из ближайшего поселения ничем не смогли помочь. Воина уложили на берегу, и он смотрел в небо, на старый, съеденный наполовину месяц, и знал, что узенького и нарождающегося ему уже не увидеть. Как не увидеть темноглазую деву, плетущую косы на утесе у реки. Никогда. Он просил своего земляка найти ее и сказать, что видел во сне только ее, всегда только одну ее. И земляк обещал. На следующем закате тело воина предали огню, а кости захоронили, положив рядом верный меч и поставив возле черепа слепленную накануне глиняную чашу. Таков был обычай. И ладья поплыла дальше. А земляк спустя несколько лун вернулся в родные земли, нашел черноволосую красавицу и поведал, что воин решил остаться в чужой стороне, где незакатное солнце и вечное лето. И уже сам стал по вечерам приходить к девушке и рассказывать о своих удивительных странствиях и приключениях, половины из которых, конечно, и вовсе не было. Скоро девушка стала его женой. И в утро свадьбы, заливаясь горячими слезами, выбросила с утеса, на котором расплела девичьи косы, свою лебединую флейту...

Катя сидела, стиснув руками колени, не в силах проронить ни звука, и глядела на луга за рекой. Костя тронул ее за плечо, легонько, мимолетно.

– Эй.

Она увидела, что каштановый локон прилип к его вспотевшему лбу.

– Откуда ты все это знаешь? – хрипло пробормотала она. – Прямо песнь о вешем Олеге.

Это местная легенда?

– Вполне могла бы быть!

– То есть это неправда?

– Правда – то, что знает наша Юла. Но она не секретничает даже с мавками, – усмехнулся Костя.

Рассказанная история была довольно банальной, а что действует на девушек в семнадцать лет лучше, чем банальности?

– Но ведь почему-то ты решил, что такая история была? – не сдавалась Катя.

– А почему бы и нет? У нас в окрестностях раньше частенько находили курганы и селища, стоянки древних людей. За Лисановкой, в Марфино... Тут кипела жизнь. А однажды, когда хлебозавод в 60-е строили, копали фундамент и там нашли захоронение с мечом и чашей. Воин, видимо. То, что чаша слеплена была небрежно, говорит о спешке. Своего так не похоронили бы, значит – чужак. А дальше...

– А дальше ты все придумал.

– Правду об этом воине мы не узнаем в любом случае. Захоронение быстренько сровняли с землей и продолжили строить хлебозавод.

Костя невесело усмехнулся и цокнул языком:

– А ты говоришь – песни... Какое кому дело до песен, когда не хранят и кости?

Катя медленно опустилась на спину, устроившись на песке рядом с ним. Они вдвоем глядели в светлеющее небо. Их плечи случайно соприкоснулись. Катя почувствовала жар, идущий от его сухой кожи. От этого прикосновения она покрылась мурашками под своим легким батистовым сарафаном.

Они очнулись от самого утреннего из всех звуков, бодрого петушиного крика. Ночная пелена спала, и оказалось, что уже рассвело, от воды тянет свежестью, которая исчезнет с первыми лучами июльского солнца. Птицы сменили томные напевы на звонкое чириканье. И напекор утреннему пробуждению природы на Катю наплыла дремота. В теле, в каждой косточке, почувствовалась ломотная усталость.

– Ты спишь совсем. Пойдем, – Костя опять сжал ее руку. Они встали, наспех отряхивая мелкий песок.

Как не хотелось расставаться! Всю дорогу до калитки Катя поглядывала на своего спутника, стараясь разобрать в его чертах хоть намек на такие же переживания. Но Костя был спокоен и умиротворен. Может быть, эта долгая прогулка не произвела на него впечатления? Или он сотню раз водил девушек на берег и заучил эту сказку про воина, чтобы впечатлить их? Катя не хотела признавать, что вообще-то такие разговоры не свойственны ее знакомым парням. Так, может, это тщательно отрепетированная роль, чтобы выгодно от них отличаться и произвести эффект? Она нахмурилась.

Костя вдруг улыбнулся:

– Когда ты хмуришься, ты похожа на ежа. Только надо еще сердито сопеть. Вот так.

И он стал быстро втягивать носом воздух. С этим шутливым сопением улетучились и все ее страхи. В такое чистое, умытое росой утро, когда все остальные спали в своих кроватях, а мир встречал солнце, не существовало ничего дурного. Тем более что все дурное только недавно сгорело в кострах.

– Желание-то загадала? – вдруг вспомнил Костя, останавливаясь у калитки ветлигинского сада, и Катя даже не удивилась, что он знает дорогу к ней. – Двенадцать наших заборов...

– Да! – соврала она.

– Ну и хорошо. Спокойной ночи...

С едва заметной заминкой он отступил и побрел прочь. Катя зашла в сад, но тут же встала на цыпочки и заглянула за калитку, чтобы глазами проводить его сутулую спину. Она поняла, что всю ночь была так увлечена его присутствием, что даже не рассмотрела его толком. Он только что ушел, а она не могла вспомнить его лица, но помнила каждое мимолетное ощущение, что он пробудил в ней. Они провели вместе целую ночь, одни. Интересно, что скажет мама, когда узнает об этом?

Катя охнула. Она начисто забыла, что на свете вообще есть Алена, которая просила не задерживаться допоздна. Не дай бог она не спит и если посчитает Костю виновником такого позднего возвращения, то...

– Если примета про заборы работает, то пусть Костя понравится маме, – второпях взбираясь на холм, на котором раскинулся их сад, пробормотала Катя.

Когда она зашла в дом, вставало солнце. От бессонной ночи и переживаний, таких острых, почти болезненных, все вокруг приобретало радужные оттенки. Она видела маслянистый ореол вокруг каждого предмета в комнате и вглядывалась в обстановку до рези в глазах, как будто все это происходило уже во сне. Казалось невероятным, что в этом доме все по-прежнему, и пол, и потолок, и расположение комнат, и все-таки спящая Алена, потому что ничего прежнего в Катином мире не осталось.

Все изменилось за эти пять часов купальской ночи.

Глава 3

Вторая могила

Эта осень

Когда Ольга открыла дверь, на Катерине лица не было. Но на все ее расспросы она только отмахнулась:

– Ничего не случилось, просто... Не по себе как-то там. Не могу.

И сдавшись окончательно, прошептала:

– Можно, я у тебя переночую?

Ольга, конечно, была рада-радешенька. Она, отгоняя вертлявую собачонку свою, постелила Катерине там же, где и днем, – в комнате сыновей, на постели старшего, Сережи, и убедившись, что больше ничего не нужно, оставила. Звяканье посуды, шум текущей из крана воды, запах чистого белья, высушенного на солнце, поскрипывание кровати, когда она ворочалась, цокот собачьих когтей по деревянному полу, приглушенное бормотание телевизора – все это успокаивало Катерину лучше, чем любые слова.

Она ничего не знала о призраках. Не то чтобы она в них совсем не верила, просто никогда об этом не задумывалась. После того как ее жизнь в одночасье сломалась, Катерина вообще предпочитала не задумываться, где причины и где следствия, это все казалось перепутанным в такой тугой клубок, что и концов-то не найти. Хотя догадывалась, что мир устроен как-то сложнее, чем говорили в школе, что есть неведомые ей, но от того не менее непреложные законы, которые всем и управляют. Божьи ли они, дьявольские ли, или Аллаховы, или законы Мироздания и Высшего духа – только их не вызубрить, вот и все... И то, что теперь она увидела саму себя в старом доме, было из той самой области, непонятное, неправдоподобное и пугающее.

Не двойник, ведь двойники просто очень похожи на оригинал, и не привидение, потому что привидений живых людей уж точно не существует. Она, она сама, только семнадцатилетняя, давно забытая и вытравленная из памяти. Длинноволосая, угловатая. Еще Катя, а не Катерина. Пока Катерина покрывалась холодной испариной и не могла и шелохнуться, девушка задумчиво глядела на закатное зарево, а потом спрыгнула с подоконника в сад. Оцепенение спало, Катерина подскочила к окну, но не разглядела в сумерках никого и тогда, не помня себя, бросилась прочь. Она добежала до дома Дубко меньше чем за две минуты, как будто следом гнались все исчадия ада.

Теперь она постепенно успокаивалась и прислушивалась к себе. На что похоже сумасшествие, бред, галлюцинации? От чего они происходят? Где грань между «может быть» и «не может быть»? Поскольку физически Катерина чувствовала себя здоровой, она решила, что это последствия напряженного ожидания, которое по приезде вылилось в ничто. Игра воображения, не более.

Назавтра утро было полно бумажной волокиты, которую Катерина ни за что бы не осилила сама, без помощи Ольги. Та все кому-то звонила, с кем-то здоровалась, заверяла у нотариуса, носила на подпись, на печать, словом, хлопотала, и хотя и со скрипом, но дело шло вперед. Катерина поставила себе целью не ждать, пока приедут покупатели дома, а приготовить все бумаги загодя, чтобы как можно быстрее вернуться в Москву, к своей привычной жизни. Тем более что после смерти бабушки Тоси никто так и не переоформил документы должным образом, и без помощи Оли Дубко это могло стать серьезной проблемой.

Вместе с электриком, вызвавшимся ставить счетчики, они дошли до Береговой, 17. Катерина с опаской осмотрела дом, но он был точно тот же, что и вчера, молчаливый, бесцветный, в комнате все еще лежали остатки ее скромного вчерашнего ужина со свечой. У нее отлегло

от сердца: конечно, вечернее видение – всего лишь фантазия воспаленного мозга. Она всегда была девушкой с бурным воображением, а тут еще и нервы примешались.

За небольшую плату электрик врезал только что купленный замок и, пока возился, все поглядывал на Катерину и на куски сыра и хлеба, которые она собирала в пакет.

– Эй, хозяйка, что ж ты закуску в еду-то превращаешь, а? Меня бы позвала, мы бы с тобой... эх!

Катерина чуть не расхохоталась.

Сразу после полудня позвонил бывший муж, Петя, сообщил, что у них все в порядке, и передал трубку сыну. Митя, захлебываясь от восторга, рассказал, что они только что ходили в Палеонтологический музей (название он выговорил с третьей попытки, и было слышно, как ему подсказывает отец) и что динозавры там – с пятиэтажный дом. Катерину легонько кольнула ревность, когда она поняла, что Митя не соскучился. Тот возраст, когда ребенок нуждался в ней ежечасно, канул в Лету довольно давно, но она все равно не могла с этим смириться. И подозревала, что вряд ли до конца сможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.